

Министерство образования и науки РФ
ГОУВПО «Удмуртский государственный университет»
Факультет журналистики
Кафедра истории и теории журналистики

**Технология создания
художественно-публицистических
жанров
журналистики**

Учебно-методическое пособие

Ижевск
2010

УДК 070
ББК 76.120.4я7
Т384

Рекомендовано к изданию учебно-методическим советом УдГУ

Рецензент: А.В. Камитова, к.ф.н., научный сотрудник отдела исследования культурного наследия УИИЯЛ УрО РАН

Автор-составитель: к.ф.н., доцент кафедры истории и теории журналистики **В.Г. Пантелеева**

Т Технология создания художественно-публицистических жанров журналистики: Учеб.-метод. пособие / авт-сост. В.Г. Пантелеева. Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. — 140 с.

ISBN 978-5-904524-58-6

Настоящее издание нацелено на помощь студентам в овладении теоретическими основами и профессиональными приемами создания художественно-публицистических жанров журналистики. Пособие снабжено основными теоретическими положениями о технологиях журналистского творческого процесса в рамках изучаемого курса и хрестоматийными материалами. Адресовано студентам, обучающимся по специальности «Журналистика» и «Связи с общественностью», а также всем интересующимся практикой функционирования жанровой системы современных СМИ.

ISBN 978-5-904524-58-6

© В.Г. Пантелеева, авт-сост., 2010
© ГОУВПО «Удмуртский государственный университет», 2010

Содержание

Пояснительная записка.....	5
-----------------------------------	----------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Технология создания художественно-публицистических жанров журналистики.....	7
Тема 1. Художественно-публицистические жанры: общее и особенное. Проблемы их классификации. Проблема трансформации жанров.....	7
Тема 2-3. Очерк: жанровые особенности. Виды очерков. Искусство словесного портрета и пейзажа.....	9
Тема 4. Композиция газетного очерка. Язык и стиль очерка	13
Тема 5. Эссе: жанровые и стилистические особенности. Виды эссе.	15
Тема 6. Житейская история: жанровые особенности.	16
Тема 7-8. Сатирические жанры журналистики: фельетон, памфлет. Общее и особенное. Композиция сатирических жанров. Жанрово-композиционные особенности фельетона	17
Тема 9. Памфлет: границы жанра. Стилистические особенности памфлета	19
Тематика курсовых работ	22
Вопросы к зачету	23

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Художественно-публицистические жанры	26
1. Очерк	26
1.1. Путевой очерк	26
1.2. Проблемный очерк	32
1.3. Портретный очерк	43
1.3.1. Проблемно-портретный очерк	43
1.3.2. Биографический (юбилейный) очерк	50
1.3.3. Психологический портрет	63
1.3.4. Политический портрет	73
1.3.5. Портретная зарисовка	88
2. Житейская история	96
3. Эссе	106
3.1. Публицистическое эссе	106
3.2. Литературно-критическое эссе	109
3.3. Искусствоведческое эссе	111
3.4. Историко-биографическое эссе	117
3.5. Эссе-воспоминание	121
4. Фельетон	125
5. Памфлет	129
6. Глоссарий	137

Пояснительная записка

Учебно-методическое пособие «Технология создания художественно-публицистических жанров журналистики» предназначено для студентов, изучающих общепрофессиональную дисциплину блока ОПД «Основы творческой деятельности журналиста».

Структурно книга состоит из двух частей, позволяющих всесторонне раскрыть специфические особенности всех жанровых видов и подвидов современной художественной публицистики.

В первой части представлен лекционно-теоретический раздел с тематикой семинарских занятий. Лекционный курс опирается на новейшие концепции теории журналистики и современную практику СМИ. Основное внимание уделяется выработке навыков литературного труда, поэтике документального письма, всему процессу создания художественно-публицистического текста.

Семинарские занятия связаны с анализом конкретного текста журналистского произведения, созданного «по законам» художественно-публицистического жанра. Предполагается, что студент овладеет опытом написания журналистских текстов в рамках тех или иных жанровых требований (например, портретная или пейзажная зарисовка, эссе-воспоминание и т.д.). Приобретение этих навыков в процессе учебы крайне актуально.

Вторая часть задумана как хрестоматийная и состоит из публикаций современной периодики, образцовых текстов из творческого наследия отечественных журналистов-классиков XX века, в некоторых случаях представлены творческие работы студентов факультета журналистики УдГУ прежних лет, выполненные ими в рамках курса «Основы творческой деятельности журналиста» с учетом задач индивидуальной самостоятельной работы. Творческие

публикации студентов – это результат их внеаудиторной учебной деятельности, осуществляемой по заданиям преподавателя, но без его непосредственного участия.

Хрестоматийный материал отбирался с учетом «чистоты» жанров, и есть надежда, что публикации окажут студентам существенную помощь в закреплении полученных теоретических знаний, анализе журналистских произведений, создании собственных документальных текстов.

В содержательно-тематическом и структурно-формальном отношении данное издание способствует формированию общекультурных и профессиональных компетенций студентов в рамках университетского журналистского образования.

Пособие носит ярко выраженный коммуникативный характер: представленные художественно-публицистические тексты и задания стимулируют не только поиск новой информации, но и потребность ее обсуждения, аргументации своего видения анализируемой проблемы. Новизна издания заключается и в том, что предложенные журналистские произведения, являясь своего рода готовой жанровой «моделью», дают толчок к раскрытию творческого потенциала студентов и приобщению их к сфере профессиональной деятельности.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЕХНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ ЖАНРОВ ЖУРНАЛИСТИКИ

Тема 1. Художественно-публицистические жанры: общее и особенное. Проблемы их классификации. Проблема трансформации жанров

1. Общая характеристика художественно-публицистических жанров. Классификация художественно-публицистических жанров в советской и постсоветской журналистике.

2. Художественно-публицистические жанры – синтез науки и искусства, литературы и социологии. Проблема соотношения документального и художественного начал.

3. Поэтика документального письма. Факт и ситуация в художественной публицистике. Автор и факт. Возможности авторской интерпретации фактов. Проблема объективного и субъективного.

4. Специфика публицистического образа и средства его создания в художественно-публицистических жанрах.

5. Функционирование и перспективы художественно-публицистических жанров в современной прессе. Проблема трансформации жанров. Жанр или текст?

Краткое описание технологии семинарского занятия:

Семинарские занятия включают в себя:

а) жанровый, композиционный, образно-стилистический анализ текстов – публикаций из творческого наследия известных журналистов и писателей (в том числе – удмуртских авторов); анализ публикаций современной прессы;

б) разбор – анализ студенческих работ (выполненных самостоятельно в рамках внеаудиторной учебной деятельности по заданию преподавателя, но без его непосредственного участия).

Семинарское занятие: рассмотрение методов и приемов, используемых журналистом при написании публицистического текста, на примере публикаций, предложенных преподавателем.

План для обсуждения:

- Жанровые признаки предложенного текста (доказать примерами).
 - Соотношение в тексте документального и художественного начал (примеры).
 - Специфические особенности публицистического образа.
 - Формы проявления авторского «я» (примеры).
- Соотношение объективного и субъективного начал.
- Стилистические особенности предложенного текста (примеры). Анализ заглавия.
 - Композиционные особенности текста.

Список литературы

1. Архипов, И.Р. Публицистический образ / И.П. Архипов. – М.: Мысль, 1977. – 123 с.
2. Инджиев, А.А. Универсальный справочник начинающего журналиста / А.А. Инджиев. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 496 с.
3. Ким, М.Н. Жанры современной журналистики / М.Н. Ким. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2004. – 404 с.
4. Кройчик, Л.Е. Жанр или текст? / Л.Е. Кройчик // Основы творческой деятельности журналиста: Учебник. – СПб.: Знание, 2000. С. 130 – 139.

5. Мельник, Г.С. Основы творческой деятельности журналиста / Г.С. Мельник, А.И. Тепляшина. – СПб.: Питер, 2004. – 272 с.
6. Самарцев, О.Р. Творческая деятельность журналиста: Очерки теории и практики: Учебное пособие / О.Р. Самарцев. – М.: Академический проект, 2007. – 528 с.
7. Риторические основы журналистики: Работа над жанрами газеты / Ассуирова Л.В. и др. – М.: Флинта, 2003. – 318 с.
8. Стрельцов, Б.В. Основы публицистики. Жанры: Учебное пособие / Б.В. Стрельцов. – Минск: Университетское, 1990. – 110 с.
9. Стюфляева, М.И. Образные ресурсы публицистики / М.И. Стюфляева. – М.: Мысль, 1982. – 176 с.
10. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 319 с.
11. Черепახов, М.С. Таинства мастерства публициста / М.С. Черепახов. – М.: Мысль, 1984. – 278 с.
12. Черникова, Е.В. Основы творческой деятельности журналиста: Учебное пособие / Е.В. Черникова. – М.: Гардарики, 2005. – 214 с.

Тема 2-3. Очерк: жанровые особенности. Виды очерков. Искусство словесного портрета и пейзажа

1. Из истории жанра. Очерк как самый «человечный» жанр. Раскрытие типического через индивидуальное. Функции очерка.
2. Проблемы типизации, факта и домысла в очерке. Образность, ассоциативность, эпизодичность, эмоциональная выразительность как жанровые элементы. Ролевые функции авторского «я» в очерке.
3. Многогранность очерка. Видовая классификация очерка: путевой, проблемный, портретный.

4. Путевой очерк (путевые заметки публициста) – «путешествие по незнакомой стране и по собственной жизни», сопоставления «страны родной и страны чужой» в контексте восприятия путешественника. Автор – публицистический герой. Искусство словесного пейзажа.

5. Проблемный (событийный) очерк – отклик на общественно значимое событие, явление действительности. Открыто-логическая форма суждений о фактах, событиях, поступках. Авторская позиция как детально проработанная концепция. Философический, аналитический, образно-ассоциативный план очерка, расширяющий его проблематику.

6. Разновидности портретного очерка: биографический, проблемно-портретный очерк, психологический и политический портрет. Зарисовка – малая форма очерка, эскиз портрета героя или пейзажная миниатюра.

7. Психологический портрет – создание образа «героя нашего времени». Эпизод как важнейший конструктивный элемент жанра. Психологический анализ как художественный метод в изображении человека. Диалог, монолог, речевая характеристика, факты биографии как аргументация в раскрытии характера героя. Роль художественной детали, интерьера, пейзажа.

8. Политический портрет – создание «имиджа» политика. Сопоставительная характеристика слов и поступков – изучение политической биографии. Соотнесение личных качеств с общественными обязанностями. Отличие очерка от политического портрета как жанра рекламы и PR.

9. Эволюция жанра и тенденции его развития. Современный газетный очерк: границы жанра.

Семинарское занятие: анализ и обсуждение проблемных очерков А. Аграновского («Столкновение»,

«Вишневый сад»); пейзажных очерков В. Пескова из его книги «Странствия» (М., 1991); очерка М. Рыковой «Поскольку материнская любовь любви сильнее...» (выпускница ФЖ 2004 г.)

План для обсуждения:

- Творческая биография авторов публикаций.
- Жанровые признаки анализируемых текстов (примеры).
- Идея и проблематика очерков.
- Экспрессивно-выразительные приемы, используемые в очерках (примеры). Стилистика и семантика заглавий.
- Искусство словесного пейзажа и портрета.
- Формы проявления авторского «я» (примеры).

Практикум: Словесный портрет

Группе предлагается прослушать стихотворение или прозаическое произведение (отрывок объемом до 0,5 страницы), в котором ярко отражены: биография автора, его темперамент, манера поведения и т.п. Затем студентам дается задание: в течение 10 минут составить письменный словесный портрет, в котором необходимо определить пол автора, его профессию или род занятий, возраст, привычки.

В качестве объекта тестирования следует выбирать писателя (публициста, политика, поэта, художника, музыканта, актера), знакомого большинству, но чье произведение по тем или иным причинам широкому читателю неизвестно.

В конце обсуждения преподаватель знакомит с истинным портретом «объекта».

Психологический портрет

Каждый студент составляет список черт характера, свойств и качеств кого-либо из группы. Нельзя прямо указывать на признаки, особенно внешние, по которым

очень легко идентифицировать личность описываемого. В такой психологической характеристике должно быть не менее 10 – 12 черт. Затем написавший зачитывает свое произведение вслух, а группа решает, кто же это.

После упражнения нужно проанализировать, у кого лучше получился психологический портрет и в чем именно проявилась глубина и точность проникновения в личность.

Список литературы

1. Аграновский, А. «Мне нужен блеск глаз»: последнее интервью А.Аграновского / А.Аграновский // Журналист. – 1987. – № 1. – С. 54 – 55.

2. Андроникова, М.И. От прототипа к образу. К проблеме портрета в литературе и кино / М.И. Андроникова. – М.: Наука, 1974. – 200 с.

3. Андроникова, М.И. Портрет. От наскальных рисунков до звукового фильма / М.И. Андроникова. – М.: Искусство, 1980. – 423 с.

4. Барахов, В.С. Литературный портрет / В.С. Барахов. – Л.: Наука, 1985. – 312 с.

5. Журналисты XX века: люди и судьбы. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 824 с.

6. Ким, М.Н. Очерк: Теория и методология жанра / М.Н. Ким. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2000. – 237 с.

7. Ким, М.Н. Жанры современной журналистики / М.Н. Ким. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2004. – 404 с.

8. Маслова, М.Н. Путевой очерк: проблемы жанра / М.Н. Маслова. – М.: Мысль, 1980. – 164 с.

9. Мельник, Г.С. Основы творческой деятельности журналиста / Г.С. Мельник, А.И. Тепляшина. – СПб.: Питер, 2004. – 272 с.

10. Моисеев, В.А. Журналистика и журналисты / В.А. Моисеев. – Киев: Дакор, 2002. – 400 с.

11. Песков, В.М. В чем журналистское счастье? / В.М. Песков // Журналист. – 1980. – № 7. – С. 21–24.

12. Ревич, В. Публицистическая лирика (о творчестве В. Пескова) / В. Ревич // Литературное обозрение. – 1984. – № 11. – С. 61–64.

13. Саввушкин, Н. Он всегда незаметен (о журналистском творчестве В.М. Пескова) / Н. Саввушкин // Журналист. – 1988. – № 4. – С. 23–27.

14. Толкунов Л. Мысль публициста (о творчестве А. Аграновского) / Л. Толкунов // Журналист. – 1985. – № 10. – С. 33–35.

Тема 4. Композиция газетного очерка. Язык и стиль очерка

1. О роли композиционной рамы в очерке (заголовок, лид, концовка).

2. Структура очерка: хроникальное, структурное (причинно-следственное), свободное (эссеистическое) построение материала.

3. Основные типы композиции портретного очерка: мозаичная, веерная, ступенчатая, кольцевая формы композиционного построения текста. Особенности очерка, построенного по принципу «перевернутой пирамиды».

4. Поэтика и стилистика газетного очерка. О роли элементов психологического анализа (монолог, диалог, речевая характеристика), значение художественной детали, искусство словесного описания портрета, пейзажа, интерьера. Понятие «вещный мир».

Семинарское занятие: композиционный анализ портретных и проблемных очерков И. Руденко («Старшая сестра», «Мать», «Дорога к пьедесталу», «Мишень»).

План для обсуждения:

- Творческая биография автора публикаций.
 - Жанровые признаки анализируемых текстов (примеры).
 - Идея и проблематика очерков.
 - Композиционное решение очерков (примеры).
- Соотношение проблематики и композиции.
- Анализ композиционной рамы текстов.
 - Экспрессивно-выразительные приемы, используемые в очерках (примеры). Стилистика и семантика заглавий.
 - Формы проявления авторского «я» (примеры).

Список литературы

1. Беневоленская, Т.А. Композиция газетного очерка / Т.А. Беневоленская. – М.: Изд-во МГУ, 1975. – 66 с.
2. Кайда, Л.Г. Композиционный анализ художественного текста: Теория. Методология. Алгоритм обратной связи / Л.Г. Кайда. – М.: Флинта, 2000. – 147 с.
3. Кайда Л.Г. Стилистика текста. От теории композиции – к декорированию: Уч. пособие / Л.Г. Кайда – М.: Флинта; Наука, 2004. – 206 с.
4. Ким, М.Н. Технология создания журналистского произведения / М.Н.Ким. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2001. С. 267 – 277.
5. Мазнева, О.А. Структура газетного очерка / О.А. Мазнева. – М.: Изд-во МГУ, 1990. – 98 с.
6. Марущак, Ю.Д. Сюжет и композиция в газетной публицистике / Ю.Д. Марущак. – М.: Мысль, 1986. – 115 с.
7. Риторические основы журналистики: Работа над жанрами газеты / Ассуирова Л.В. и др. – М.: Флинта, 2003. – 318 с.
8. Руденко, И., Лаврова, К. И мысль, и сердце / И.Руденко, К. Лаврова // Журналист. – 1985. – № 9. С. 32 – 34.

Тема 5. Эссе: жанровые и стилистические особенности. Виды эссе

1. Из истории жанра. Размытость и полемичность понятия «эссе». Эссе в литературе и публицистике.

2. Фрагментарность, ассоциативность, субъективность, экспрессивность, «мысли вслух» как жанрообразующие компоненты эссе. Стил-размышление: доверительность интонаций.

3. Роль и функции авторского «я» в эссе.

4. Виды эссе: публицистическое, философское, искусствоведческое, литературно-критическое, историко-биографическое, «воспоминательное эссе» (А.Твардовский).

5. Эссеистический стил-письма. Проблема эссеизации жанров современной публицистики.

Семинарское занятие: жанрово-композиционный и образно-стилистический анализ эссе Е. Богат («Байрон», «Рембрант», «Ночной дилижанс») и эссе, опубликованных в хрестоматийной части данного пособия.

План для обсуждения:

- Творческая биография автора публикаций.
- Жанровые признаки анализируемых текстов (примеры).
- Идея и проблематика эссе.
- Экспрессивно-выразительные приемы, используемые в эссе (примеры). Стилистика и семантика заглавий.
- Роль и значение авторского «я» (примеры).

Список литературы

1. Кайда, Л.Г. Эссе: стилистический портрет / Л.Г. Кайда. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 180 с.

2. Сагалова, В. Уроки этики: и мыслить, и страдать (о публицистике Е. Богат) / В.Сагалова // Библиотекарь. – 1982. – № 11. – С. 59–62.

3. Сидоров, Е.Ю. Размышления публициста (о Е. Богат) / Е.Ю. Сидоров // Октябрь. – 1983. – № 4. – С. 207–208.

4. Риторические основы журналистики: Работа над жанрами газеты / Ассуирова Л.В. и др. – М.: Флинта, 2003. – 318 с.

5. Тертычный, А. Раздумьями пленит эссе / А.Тертычный // Журналист. – 2002. – № 6. – С. 67–69.

Тема 6. Житейская история: жанровые особенности

1. Житейская история: рассказ или жанр художественной публицистики? Полемичность жанра.

2. «Нас всех подстерегает случай...»: яркий, исключительный, из ряда вон выходящий случай из жизни, поступок, эпизод как предмет житейской истории.

3. Трагикомическая природа житейской истории. Особенности языка и композиции. Роль художественной детали. Искусство диалога, монолога.

Семинарское занятие: разбор-анализ житейских историй из современной периодики, хрестоматийной части данного пособия.

План для обсуждения:

- Жанровые признаки анализируемых текстов (примеры).
- Идея и проблематика представленных историй.
- Экспрессивно-выразительные приемы, используемые в текстах (примеры). Стилистика и семантика заглавий.
- Роль и значение авторского «я» (примеры).

Список литературы

1. Ким, М.Н. Жанры современной журналистики / М.Н. Ким. – СПб.: Издательство Михайлова В.А., 2004. – 404 с.
2. Моисеев, В.А. Журналистика и журналисты / В.А. Моисеев. – Киев: Дакор, 2002. – 400 с.
3. Тertyчный, А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тertyчный. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 319 с.

Тема 7-8. Сатирические жанры журналистики: фельетон, памфлет. Общее и особенное. Композиция сатирических жанров. Жанрово-композиционные особенности фельетона

1. Сатирические жанры – разновидность художественной публицистики. Общее и особенное. Ирония и сарказм как жанрообразующие факторы.

2. Сатирическая типизация, фактическая основа и авторский вымысел.

3. Композиция, сдвинутая во времени. Использование метода сравнения, метода контрастных сопоставлений, метода ассоциативных связей в сатирических жанрах.

4. Предмет фельетона: несуразное, противоречивое, парадоксальное в социальной действительности. «Самоигральный» факт. Сатирические образы и «маски».

5. Развернутый метафоризм фельетона: иносказания, аллегории, гиперболы и т.д. Прием «образных кругов» вокруг одной метафоры.

6. Легкость и изящество стиля, талант «фельетонной болтовни» как важное условие жанра.

7. Стилистический алогизм как экспрессивно-выразительный прием.

8. Виды фельетона: фельетон-рассказ, фельетон-статья, фельетон-портрет – фантасмогорический ракурс эпизодов

биографии (сатирический вариант политического портрета), фельетон-«монолог пострадавшего».

9. Фельетон в современной прессе. Проблема трансформации жанра.

Семинарское занятие: анализ «маленьких фельетонов» М. Кольцова («Пыль и солнце», «Куриная слепота», «К вопросу о тупоумии», «Демократия по почте»). Анализ фельетонов из хрестоматийной части данного пособия.

План для обсуждения:

- Творческая биография автора публикаций.
- Особенности фельетона 1920-30-х годов.
- Стилистические и композиционные приемы, используемые М. Кольцовым. Видовая палитра его фельетонов (примеры).
- Жанровые и стилистические особенности современного фельетона (примеры).
- Проблематика современных фельетонов.

Список литературы

1. Веревкин, Б.Б. Михаил Ефимович Кольцов / Б.Б. Веревкин. – М.: Мысль, 1977. – 185 с.
2. Виленский, М.Э. Как написать фельетон? / М.Э. Виленский. – М.: Мысль, 1982. – 206 с.
3. Журналисты XX века: люди и судьбы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. – 824 с.
4. Инджиев, А.А. Универсальный справочник начинающего журналиста / А.А. Инджиев. – Ростов н/Д: Феникс, 2007. – 496 с.
5. Кайда, Л.Г. Стиль фельетона. Выражение авторской позиции / Л.Г. Кайда. – М.: Мысль, 1983. – 137 с.
6. Рубашкин, А.И. Михаил Кольцов / А.И. Рубашкин. – Л.: Художественная литература, 1971. – 208 с.

7. Рубашкин, А.И. Прямая речь: Очерки о советской писательской публицистике / А.И. Рубашкин. – Л.: Советский писатель, 1980. – 366 с.

8. Суконцев, А.А. До и после фельетона / А.А. Суконцев. – М.: Мысль, 1989. – 252 с.

9. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 319 с.

Тема 9. Памфлет: границы жанра. Стилистические особенности памфлета

1. Памфлет как сатирический жанр художественной публицистики, как средство политической борьбы. Объект обличения в памфлете.

2. Сатирический тип в памфлете. Сарказм и гротеск как жанрообразующие элементы. Способы доказательства «от противного».

3. Искусство памфлетиста. Единство и неповторимость стилистической манеры.

4. Памфлет в современной прессе. Проблема трансформации жанра.

Семинарское занятие: анализ памфлетов М. Струа из его книги «Америка восьмидесятых: пять лет и пять минут» (М., 1986). Анализ опубликованных в пособии памфлетов.

Разбор-анализ студенческих работ, выполненных самостоятельно по заданию преподавателя (портретная зарисовка, эссе-воспоминание).

План для обсуждения:

- Творческая биография автора публикаций.
- Проблематика памфлетов М. Струа.
- Жанровые, стилистические и композиционные особенности памфлетов М. Струа (примеры).
- Проблематика современных памфлетов.

- Жанровые и стилистические особенности современного памфлета (примеры).

Список литературы

1. Введенская, Л.А. Этюды о мастерстве М. Стурюа / Л.А. Введенская. – Ростов н/ Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1988. – 138 с.
2. Кайда, Л.Г. Памфлет как жанр / Кайда Л.Г. // Кайда Л.Г. Эффективность публицистического текста. М.: Изд-во МГУ, 1989. С. 47–54.
3. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. – М.: Аспект-Пресс, 2006. – 319 с.
4. Ткачев, П.И. «Сатиры злой звенящая строка...»: Природа смеха в памфлете / П.И. Ткачев. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1980. – 175 с.
5. Ткачев, П.И. Памфлет и его формы / П.И. Ткачев. – Минск: Изд-во Белорус. ун-та, 1980. – 210 с.

Следующим этапом работы студента над анализом и созданием художественно-публицистических произведений журналистики является самостоятельная работа. *Самостоятельная работа студентов* – индивидуальная и групповая учебная деятельность, осуществляемая на аудиторных и внеаудиторных занятиях по заданиям преподавателя, без непосредственного его участия.

Цель самостоятельной работы студентов – овладение навыками самостоятельной познавательной деятельности, становление профессиональных компетенций. Задачи самостоятельной работы студентов:

- обеспечить единство и непрерывность образовательного процесса на всех этапах его осуществления;

- создать условия для формирования у студентов навыков самостоятельной учебной, научно-исследовательской и практической работы;
- содействовать углублению и расширению профессиональных научных и практических интересов студентов;
- способствовать гармоничному творческому развитию субъектов образования.

Примечание: за семестр каждый студент факультета журналистики самостоятельно в рамках внеаудиторной учебной деятельности по заданию преподавателя, но без его непосредственного участия должен подготовить (написать) портретную или пейзажную зарисовку (очерк), эссе-воспоминание. Студент, не выполнивший данное задание по самостоятельной работе, не допускается к зачету.

Перечень тем, выносимых на самостоятельную работу

1. «Литературные портреты» М. Горького и М. Кольцова.
2. «Этюды об ученых» Я. Голованова.
3. Публицистика русского зарубежья (1920–1940-е гг.).
4. Мемуарные очерки Ю. Анненкова (из его книги «Дневник моих встреч». Л., 1991).
5. Фельетоны Н.Тэффи.
6. Фельетонное творчество М. Булгакова, М.Зощенко.
7. Фельетон 1950–70-х гг. (А. Суконцев, В. Надеин, Э. Графов, С. Нариньяни и др.)
8. Памфлеты И. Эренбурга.
9. «Благодарение» В. Владыкина: жанровые и стилистические особенности.
10. Современная журнальная очеркистика: типология и композиционные приемы.

В соответствии с Государственным образовательным стандартом по профилирующему курсу «Основы творческой деятельности журналиста» предусмотрен такой вид работы как курсовая работа. *Курсовая работа* – самостоятельная учебная научно-методическая работа студентов вузов, выполняемая под руководством преподавателя – научного руководителя. Имеет целью развитие у студентов навыков самостоятельной творческой работы, овладение методами современных научных исследований, углублённое изучение какого-либо вопроса, темы, раздела учебной дисциплины (включая изучение литературы и источников). На первом и втором курсах курсовая работа носит обычно реферативный характер, на старших – исследовательский. Темы курсовых работ разрабатываются и утверждаются кафедрами вузов. Курсовая работа защищается на соответствующей направлению исследования кафедре.

Тематика курсовых работ

1. Политический портрет: особенности создания образа.
2. Сатирическая публицистика: жанровые особенности.
3. С. Залыгин – публицист и литературный критик.
4. Литературно-художественные журналы: история и современность (издание по выбору студента).
5. Лексико-стилистические приемы выражения авторского «я» в публицистических текстах.
6. Поэтика документального письма.
7. Документальная проза М. Цветаевой («Живое о живом», «Пленный дух», «Мой Пушкин»).
8. Путевые очерки Г. Боровика и В. Овчинникова.
9. Из истории удмуртской очеркистики.
10. Историко-философские эссе И. Гарина.
11. Литературно-критические эссе Ю. Айхенвальда.

12. Эссе на страницах современной прессы (издание по выбору студента).

13. Портретная журналистика: виды и жанры.

14. Индивидуальный творческий стиль фельетониста (персоналия по выбору студента).

15. Фельетон – портрет. Фантазмагорический ракурс эпизодов биографии.

16. Сатирический вариант политического портрета (издание по выбору студента).

17. Ироничный фельетон в качественной прессе (издание по выбору студента).

18. Сатирические жанры публицистики в деловой прессе (издание по выбору студента).

19. Индивидуальный творческий стиль очеркиста (персоналия по выбору студента).

20. Тенденции использования и перспективы художественной публицистики в современной прессе (издания по выбору студента).

Изучение одного из разделов дисциплины «Основы творческой деятельности журналиста» – «Технология создания художественно-публицистических жанров журналистики» – завершается зачетом. Зачёт – одна из форм контроля успеваемости студентов. Зачеты являются результатом успешного выполнения студентами всех учебных поручений в соответствии с утвержденной программой, всех видов работ, предусмотренных по данному курсу. Зачет принимается в форме, установленной кафедрой.

Вопросы к зачету

1. Художественно-публицистические жанры: общее и особенное. Проблемы их классификации.

2. Деталь в художественно-публицистических жанрах. Поэтика документального письма.

3. Очерк: жанровые и стилистические особенности. Функции. Виды очерков (обзор).
4. Разновидности портрета современника и портретного очерка в публицистике.
5. Психологическое исследование человека в публицистике.
6. Проблемное исследование человека в публицистике.
7. Специфика политического портрета.
8. Пейзажный очерк: история и современность (обзор).
9. Функции и формы выражения авторского «я» в очерковом тексте.
10. Композиция газетного очерка.
11. Эволюция очерка в советской и российской журналистике (краткий обзор).
12. Очерк 1920–30-х гг.: проблематика и жанровые особенности (обзор очеркового творчества М.Горького и М.Кольцова).
13. Советская публицистика в годы Великой Отечественной войны (творчество К. Симонова, М. Шолохова, И. Эренбурга и др.)
14. Очерк 1960–80х гг.: типология, проблематика и жанровые особенности (обзор очеркового творчества А. Аграновского, И. Руденко, Я. Голованова и др.).
15. Очерк конца XX – нач. XXI вв.: проблематика и жанровые особенности (обзор очеркового творчества Ю. Щекочихина, З. Ерошок, Ю. Рост и др.).
16. Современная журнальная очеркистика: типология и композиционные приемы.
17. Путевые очерки В. Пескова: композиция и стилистика.
18. М. Цветаева – очеркист («Живое о живом», «Пленный дух»).
19. «Мой Пушкин» М. Цветаевой: жанровые и стилистические особенности.

20. Эссе: жанровые и стилистические особенности.
21. Эссеистическое наследие Е. Богат: типология, выразительные приемы.
22. Виды эссе.
23. «Мой поэт» С. Залыгина: жанровые и стилистические особенности.
24. «Благодарение» В. Владыкина: жанровые и стилистические особенности.
25. Современное состояние и перспективы развития жанра эссе.
26. Житейская история как жанр художественной публицистики.
27. Сатирические жанры как разновидность художественной публицистики.
28. Фельетон: жанрово-композиционные и стилистические особенности.
29. Виды фельетона. Фельетон – портрет. Фантасмагорический ракурс эпизодов биографии.
30. Предмет фельетона. Роль «самоигрального» факта. Сатирические образы и «маски».
31. Развитие фельетона в русской, советской и российской журналистике (краткий обзор).
32. Н. Тэффи – фельетонист.
33. Фельетон 1920–30-х гг.: проблематика, выразительные приемы, идейная направленность (М. Зощенко, М. Кольцов и др.).
34. Фельетон 1950–70-х гг.: проблематика и стилистика (С. Нариньяни, В. Надеин и др.).
35. Проблематика и стилистические особенности современного фельетона.
36. Памфлет как жанр художественной публицистики.
37. Памфлеты М. Стуртуа: проблематика и стилистика.
38. Тенденции использования и перспективы художественной публицистики в современной прессе.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ХРЕСТОМАТИЯ

**ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ
ЖАНРЫ**

1. ОЧЕРК

1.1. Путевой очерк

Альпийские встречи

«Пристегните ремни. Идем на посадку...» Я посмотрел вниз: где же самолет сядет? Горы, горы... Оказалось, Швейцария арендует у Франции кусочек равнины для аэродрома.

Через два дня мы ехали по горам. «Посмотрите: любую полосу пейзажа можно помещать в раму и вешать на стену...» Красивы Швейцарские Альпы! Синее небо, а под ним – снежные пики, скалы, зелень лугов, деревушки на склонах, стада коров, немыслимые завитушки дорог, синее блюдечко озера в дымке долины.

Природа Швейцарии, ее пейзажи – главная притягательная сила для приезжающих сюда туристов.

Я был в Швейцарии по делам, но посчастливилось из Женевы съездить и в горы...

Ее величество корова

Все было как на знакомых с детства открытках. Кругом лежали цветные от осенних красок холмы с лесками, лугами, игрушечной красоты домами, сараями, сеновалами, оградами из камней. На плече одного из холмов темнела черточка колокольни, вдали неясно маячили горы. И было все подернуто синевой, пахнувшей деревенским дымом.

Наши зеленые «жигули» скользнули по склону холма, и вот уже другая «открытка», столь же яркая и нарядная, оживленная стадом овец на лужайке и шествием стариков в ярких старинных одеждах и почему-то с ружьями... Оказалось, шли старики со свадьбы, где радость сочетания молодых, по традиции, отмечалось пальбой.

Тут, у холма, мы и услышали звон. Явно колокола... Но негромкие и нестройные. Из-за бугра виднелась верхушка церкви. Можно было подумать, что это по случаю все той же свадьбы – маленький благовест. Совсем нет! По другую сторону взгорка, в ложине рядом с дорогой, паслось небольшое стадо светло-бурых коров. Оно-то и было мелодичным, довольно громким оркестром. У каждой буренки на ошейнике шириной в две ладони висел – не знаешь, как и сказать, - колокольчик. Но можно ли так назвать из меди кованый инструмент едва ль не с ведерко?

Мы, понятное дело, сразу же стали снимать необычный ансамбль. И коровы, как будто понимая, что ими любуются, подтянулись прямо к дороге. Это насторожило хозяина стоявшей у ручья под вязами фермы. Он подъехал к лужку на «пикапе» и, поправляя провода «электрического пастуха», таким способом тактично предупреждал чужаков: имейте в виду – я тут... Убедившись, однако, что коровам ничего не грозит, крестьянин подошел, поздоровался, и мы узнали причину его беспокойства.

Уже несколько лет тут ведется большая война с туристами, для которых нет из Швейцарии лучшего сувенира, чем этот колокол, снятый с коровы.

Сувенирная индустрия этот спрос, конечно, сразу учла. Колокольчиков в магазинах полно, - сказал крестьянин, - но вы ведь знаете: кошке дорог краденый кусок мяса, а не тот, что ей бросили. Но почему они так велики?

Далеко слышно. В горах за два километра я уже знаю – это мои. Любую корову по колоколу узнаю. – Наш

собеседник поправил ошейник у одной «музыкантши» и, возвращаясь к нам, улыбнулся: - Ну и, возможно, есть тут немного чудачества. Мы, швейцарцы, на корову молиться готовы.

Еще мы узнали: громоздкий звуковой инструмент корове совсем не мешает, считается даже, что способствует аппетиту. Коровы так к нему привыкают, что, если по случаю смерти кого-нибудь в доме колокольчик с коров снимают (таков старинный обычай), они, озадаченные и испуганные, не покинут загона.

Небольшое стадо коров в Швейцарии – неременная часть пейзажа. Коровы – главное достояние сельского жителя. В этой горной стране лишь семь процентов земли пригодно для пашни. Сеют пшеницу, кукурузу, выращивают картошку, кормовую свеклу, помидоры, в некоторых местах – виноград. Земли тут небогатые, и с давних времен народ кормится тем, что дает ему животноводство. Культура молочного хозяйства необычно высока, и опыт швейцарцев широко распространен по миру. Название травы – л ю ц е р н а – это название района в Швейцарии, а известная и у нас порода коров с и м м е н т а л ь с к а я ведет начало из швейцарской долины Зимменталь.

Сказать, что за коровой в Швейцарии заботливо, по-хозяйски ухаживают, - значит сказать очень мало. Корову тут холят, лелеют. Известно, что молоко у коровы на языке. И крестьянин, имеющий стадо коров голов в двенадцать-пятнадцать, кажется, именно о них думает в первую очередь, а потом уже обо всем остальном в жизни. Рядом с домом – прекрасный загон для коров, просторный сарай, куда сено подается по оцинкованным трубам воздухоудки, тут же хранилище для свеклы, место, где в аккуратную кучу сложен навоз. Рядом с усадьбой – луг. Если через него не сбегает горный ручей, то подведена вода.

Трудно сказать, что на уме у местных коров, но вид у них от постоянной заботы аристократический. Они не сторонятся человека, не боятся автомобилей (автомобильное «стадо» почтенно замрет, когда шоссе переходят коровы), они со спокойным достоинством шествуют по мостам через бетонные магистрали и равнодушно взирают на толпы туристов с фото- и кинокамерами. Посмотришь – не корова, а королева! «Я плачу за все молоком и достойна вашего уважения», - так смогла бы сказать корова, если бы вдруг начала говорить под звуки своего громадного колокольца.

Чаще всего в Швейцарии видишь таких вот светло-бурых коров, пасущихся по холмам. В летние месяцы, когда сходит снег и набухают сочной травой альпийские пастбища, пастухи гонят коров высоко в горы. Для этих пастбищ есть скот особой породы – небольшие, темного цвета, подвижные коровенки. Это настоящие альпинистки, способные проходить там, где не рискуют ступить даже горные пастухи. Нрав у этих коров особый. По мере подъема в горы у них просыпаются инстинкты дикого стада с его иерархией подчиненных и вожака. За право быть вожаком у коров ежегодно при перегоне возникают бои. Коровенки, не претендующие на «корону», спешат удалиться, а те, что способны встать во главе стада, которому предстоит ходить по горным кручам, должны подтвердить в поединках свою силу и сообразительность.

Владельцы коров хорошо знают эти законы горного стада и с пастухами вместе следуют до альпийских лугов. Каждый тешит себя надеждой, что именно его буренка станет вожаком-«королевой». Некоторым после боя приходится спускать своих коровенок с альпийского луга на бойню. Зато тот, на чьем дворе зимовала победительница, целое лето будет ходить в именинниках.

Рассказывают, «королева», как правило, не бывает самой удойной. В сентябре, когда стадо будет спускаться с

альпийских лугов в долину, самой удойной корове пастухи украсят рога белой лентой. Приходит черед гордиться ее хозяину. Но он, подмываемый радостью выбежать сразу навстречу любимице, проявит выдержку – корова должна показать, что не забыла дорогу домой и рада встрече с хозяином.

В альпийских лугах маленькие стада крестьянских коров смешиваются в одно большое стадо. Молоко от него идет в общий котел сыроварни или на горную маслобойку. Дележ конечных продуктов идет опять же по достоинству коров. Перед подъемом в горы, на общем сходе ветеринар тщательно и придирчиво проверяет родословную и удойность коровы. На рог ей ставят клеймо. И хозяин получит свое в соответствии с тем, как доилась летом корова. Ясное дело, каждый крестьянин постоянно стремится улучшить свое небольшое стадо кормилиц.

Три четверти всего молока в Швейцарии перерабатывают в знаменитый швейцарский сыр. Сейчас повсюду действуют современные сыроварни. Но в альпийских лугах сыр варят так же, как варили его и двести, и четыреста лет назад. Медный котел над костром. Возле него священнодействует опытный сыровар. Второе лицо тут - старший пастух, потом маслодел, помощник пастуха, овечий пастух, мальчик, пасущий телят, - всего человек шесть-семь. Они пасут, доят коров, делают сыр и масло. Сыр большими, как жернова, кругами раньше спускали в долины на особых заплечных лямках или на лошаках. Сейчас спускают по канатным дорогам или даже на вертолетах. Но саму пастушью жизнь на альпийских лугах осовременить трудно. Она осталась суровой, первобытно тяжелой и романтической.

Мечта туристов, наводняющих Швейцарию, увидеть, как варят сыр в Альпах. И многие добираются к пастухам. Но сезон таких путешествий ограничен летними месяцами. И для всех любопытных в местечке Грюйер, самом известном

по части варки сыров, устроен заводик, где каждый может увидеть, как молоко превращается в швейцарский продукт, столь же добротный, как и здешнего производства часы.

Мы побывали в Грюйере. И успели как раз к моменту, когда из огромного медного чана по круглым формам разливалась желтоватая масса. Конечно, никакого костра под чаном-котлом тут не было. Сыр варился с помощью пара. Все сияло никелированной чистотой. Четверо людей в белых резиновых передниках и перчатках делали привычную для них работу. А с деревянных галерей за этой работой наблюдала публика со всего света. На множестве экранов в это же время сменялись цветные картинки и вкрадчивый голос на французском языке пояснял, что за продукт молоко, как давно человечество варит сыр, чем он ценен, сообщались разного рода тонкости варки. На картинках мы видели уже знакомые фермы с лужками, коров с колокольцами и альпийские хижины из камней. Пастухи, сидя на табуретке об одной ножке, доили коров и варили у костров сыр. Сияли верхушки альпийских гор, зеленели луга, подкрепляя мысль говорившего о том, как много целебного и полезного может извлечь живой агрегат под названием к о р о в а из травы и цветов.

Два раза в день привозят на завод большие порции молока. Из четырехсот литров получается круг сыра размером с хорошее колесо весом в тридцать пять килограммов! Эти еще мягковатые «жернова» кладут в крепкий рассол, потом они отлеживаются в специальной кладовке. Дозревая, они превращаются во всемирно известный сыр.

На выходе из завода, в харчевне, где можно отведать разные продукты из молока, есть, конечно, и этот замечательный аппетитный сыр с большими дырками.

...Из Грюйера в Женеву мы возвращались, когда сумерки уже овладели пространствами меж гор. Светились редкие

огоньки по холмам. Дорога, добротная, но неширокая, уверенной змейкой огибала лужи и фермы. Раз а три мы выходили из машины послушать... И услышали, наконец, желанные звуки – на одном из темневших возле ручья лужков позванивали колокольчики. А от дома немолодой женский голос звал коров в стойло.

*Василий Песков
Странствия. М., 1991.*

1.2. Проблемный очерк

Мишень

Утро. Парк. Тишина. Скамейка. Все позади, и можно, спрятав блокнот, молча посидеть, вдыхая запах первой травы и влажного, после ночного дождя, камня. Напротив скамейки – памятник. Лихому кавалеристу. Рыжий, белоногий конь здесь, неподалеку, печально заржал, вернувшись к своим без хозяина. Легендарной меткости стрелку. Враг, ставший его мишенью, живым не уходил никогда.

На памятнике надпись, слова наркома Клима Ворошилова – о нем, лихом и метком. Я читаю эти слова, и тишина во мне внезапно взрывается – все, что осталось там, позади, за этой тишиной, в днях командировки, и что было пока лишь смесью фактов, лиц, слов, вдруг выстраивается, нанизываясь на четкий стержень простых, но таких знаменательных слов: «Это был лев с сердцем милого ребенка».

- Вам спеть?

Светлые волосы в две косички. По-детски припухлые губы. И радостная готовность глаз. Это Люда Попович. Она уже в пятом классе, но кажется совсем ребенком.

- Вы – за опытом?

Темная, крупная голова. Крепко сбитая фигура. Обветренное лицо. Это Степан Ефимович Степанишин. Учитель. Ему чуть больше сорока, но что-то на первый взгляд неуловимое делает его старше.

Оба они решили, что я приехала в школу за чем-то хорошим...

Люда спела мне. Под бандуру. Бандура большая, Люда к ней прижалась доверчиво, как к кому-то живому и старшему, тронула струны и с готовностью затянула: «Тыхо над ричкою, ниченька тэмная, спыть зачарованный лис». В лесу она и живет – с мамой, сторожем в пионерском лагере «Ромашка», папой-трактористом и годовалым братиком Тарасиком, который знаменит пока лишь тем, что очень не любит одеваться. И тогда они с мамой – действует безотказно – говорят: «Ты что? Ведь тебя Тарзан ждет».

И Степан Ефимович, как хотел, опытом своим поделился. Двадцать лет в этой школе, председатель методического объединения военруков. Но главное не это, главное то, что школа, ничем до сих пор не блиставшая, недавно заняла первое место в районе. По стрельбе.

Но и Люду, и Степана Ефимовича мне сразу – правда, по-разному, - приходится огорчить: не из-за звонкого Людиного голоса и не из-за опыта Степана Ефимовича приехала я в их школу, а из-за собаки. Рыжей и белоногой, большой, но по-щенячьи ласковой, встречи с которой так ждал маленький Тарасик и которая два года, почти всю свою собачью жизнь, провожала Люду из леса до школы.

И которую Степан Ефимович убил.

Так, во всяком случае, было написано в письме в редакцию.

ИЗ АНКЕТЫ

«У меня дома живут кролики, кошка и собака. Я их очень люблю. Кролики такие маленькие и пушистые. Я им реу траву и даю кушать. Собака сторожит наш дом, а

еще может найти след врага. А кошка ловит мышей, и зовут ее Мурчик».

«У меня нет собаки. Но я очень хочу ее иметь. Я уже наперед сделал ей будку».

«Я люблю животных, потому что як не було б зверей, то не було б и доброго урожая».

- Из Москвы – и из-за собаки? – этот вопрос часто задавали мне в Клевани. По-разному задавали. Одни с желанием понять, как директор школы Иван Андреевич: «Може, я не такой уж природолюбитель?» Другие – со спокойным недоумением: «Да у нас тут этих собак... троюкуровская псарня прямо», – как учитель труда Владимир Несторович. Третьи – со снисходительной иронией, как староста 10 «А» Нина Селепина: «Концерт в музшколе, экзамены на носу, да и огород, между прочим, копать надо, а вы... с этой собакой».

И только Степан Ефимович Степанишин к причине моего приезда сразу отнесся очень серьезно: «Это снова действуют мои враги».

Желваки заиграли на его скулах, он стал быстро ходить из угла в угол в классе, где мы разговаривали, спотыкаясь о парты, – метался, будто лев в клетке. Пытаясь успокоить его, я сказала, что разберемся, все вместе и внимательно: правда всегда, хоть часто и с трудом, выходит наружу. Но он яростно крутнул головой: «Вы наших людей не знаете!» Человек он, сказал, принципиальный и прямой – вот и нажил врагов. Надо же, стукнул он кулаком по старенькой парте, каких только собак на него не вешали, а теперь еще и эту, настоящую! Да у него дома целых три собаки, вся школа знает! Можно ли допустить, чтоб он – и стрелял? Да еще в пса своей ученицы? Хотите знать, его вообще в тот день в школе не было!

В какой – «тот день»? Значит, он, Степанишин, знает, что Людин Тарзан действительно убит?

Степанишин, остывая от разговора о своих врагах, объяснил, как отмахнулся от чего-то несущественного: да, Людину собаку нашли мертвой, в школьном тире, наверное, поэтому начались разговоры о нем, его вызвал директор, он и ему сказал то, что говорит сейчас и будет говорить, если понадобится, всю жизнь: никакого отношения он к той собаке не имеет. Был в городе. «А кто ж ее тогда?..» – спросил директор. «Да пацаны – кто», – ответил он. Может, и нехорошо пацанов выдавать, но не мог соврать – у них директор хоть и новый, а сразу понятно: совесть школы. Кто именно с тем псом разделался, он, конечно, не знает, но... Тут Степан Ефимович снова оживился: ему-то лично узнать ничего не стоит. Скажу пацану: «Выясни, а я за это тебе дам пострелять».

Дам пострелять?..

В письме в редакцию рядом с фамилией военрука упоминались еще три – ребят из 10 «А». Рачкелюк Александр, Рачкелюк Василий и Сасько Юрий, рослые, крепкие, скупясь на детали, но спокойно объяснили мне, что да, вышла осечка: они хотели напугать хоть одну из собак, что в их тир лезят, поставили капкан, попалась эта, ну, с такой красивой шерстью. И, дурная, удавилась. И все? «И все», – сказали они, глядя мне прямо в глаза, и только один, Саша, отвернул лицо в сторону. Сказали и замолчали, но не ушли, а сидели, будто дожидались какого-то главного вопроса. А не дождавшись, добавили: «Учтите – военрук тут ни при чем». И глаза их были туго-непроницаемы.

Так, на бумаге, наш разговор выглядит коротко. А был он длинным. «Со мной только два урока вы разговаривали», – скажет потом Саша. И не один разговор был, а несколько, и вместе, и по отдельности – так хотелось до них достучаться, так хотелось пробиться сквозь эту непроницаемость глаз, так не хотелось, чтоб эти только начинающие самостоятельную жизнь парни начинали ее со лжи.

Еще в первые часы командировки нашла я узкую улочку, на ней старенький дом, по ветхим ступеням поднялась в комнату, едва обставленную, и седенький бледный дидусь вынес мне шкуру. Рыжая, белоногая собака – вернее, то, что от нее осталось, – была натянута на широкую изогнутую доску, которую запекшаяся кровь превращала в подобие какого-то орудия пытки. Но это было всего-навсего приспособление для выделки шкур. Дидусь сказал, что шкуру еще горячей привез ему на велосипеде внук Ленька, он удивился, время еще было школьное, но Ленька его успокоил, сказал, что с урока труда его отпросили хлопцы из 10 «А», они только что «слупили» эту собаку и просили деда, единственного в округе специалиста, выделать шкуру. Бабка еще, помнится, руками всплеснула, будто почуяла неладное: «Людоньки добри, так це ж цилэ тэля, не собака! Не берись, диду». Но он взялся, и не из-за пяти рублей, хотя ему, больному и старому, и копейка дорога: Ленька сказал, что шкуру-то ему дали хлопцы, но предупредили, что она степанишинская. Как тут откажешь? У него в школе пятеро внуков, а Степанишин кто? Учитель.

ИЗ АНКЕТЫ

«Если б при мне мучили собаку, я бы посмотрела на нее и сказала, что это моя собака. И взяла бы себе. Собака помогает на заставе в охране Родины».

«Если бы при мне человек мучил животное, я отобрал бы его у него и отпихнул бы в сторону. А на второй день сообщила бы своему классному руководителю».

Так они и сделали.

Шестиклассники – на уроке труда занимались обрезкой деревьев и сносили ветви к тире, – задыхаясь, прибежали к Владимиру Нестеровичу: «Там собака убитая лежит!» «Так закопайте», – ответил тот.

Пятиклассники – были уже на «продленке», носились весело вокруг школы, только Люда играла на бандуре, –

вдруг ворвались в класс с расширенными от ужаса глазами: «Ольга Андреевна, скорей идите, посмотрите – в тире Людина собака голая лежит!» Та закрыла глаза: «Что вы, дети, не могу. И вы не смотрите...» Но Люда ринулась – две белые косицы вразлет – и увидела своего защитника, своего верного провожатого, своего красавца друга без его желтой, с белыми отметинами, шерсти... «Люда Попович очень плакала, и мы все тоже», – было написано в письме в редакцию детским почерком.

Драма на уроке – не на охоте. На следующий день школа гудела, как улей. И уроки вести было невозможно, и в учительской обменивались возмущенными репликами: «Неужели – на шапку? Так измельчать!» Но состоялся тот короткий разговор в кабинете директора, и обычная школьная жизнь снова покатила по своим рельсам. Драма прошла бесследно?

Нет, конечно. Следы остались. В том числе и в самом прямом смысле этого слова.

Тир – зеленый ров за школой, у самого леса, маленький домик, щиты на высоких столбах. И мишень. У мишени гомонится стая мальчишек, что-то выискивая в траве, и, только заметив нас с директором, стая мгновенно снимается с места и исчезает. «Гильзы ищут. Что сделаешь – мальчишки, им бы только пострелять...» – понимающе улыбается директор. Вдруг стая сначала робко, а потом не таясь, возвращается. И нам доверяют страшную тайну: в местах, одним им известных, хранятся доказательства жестокой расправы. Они приносят жесткий жгут окровавленной проволоки и тонкую, заостренную на конце пилу со следами рыжей шерсти на зубах. Долго ищется окровавленный белый носовой платок: «Хиба таки платки носят ци Рачкелюки?» Следопыты... Они все – кроме одного совсем маленького, в большом, явно с чужого плеча, пиджаке – в красных галстуках. Пятый, шестой классы.

Месяц прошел с того дня! В этом возрасте – целая жизнь. А они все дожидались того часа, когда спрятанное ими наконец кому-то окажется необходимым. На лицах совсем нет уже того азарта, с каким возились они у мишени. «Он убил ее тремя выстрелами», – говорит тот, самый маленький. Очень тихо и очень печально говорит: «Сюда, сюда и сюда». Он тычет пальчиком в свою голову. Кто он – разве можно его спросить? Но мальчик смотрит на меня, как маленький старичок: «Степанишин».

ИЗ АНКЕТЫ

«Жестокий человек – это человек, который может побить меньше себя. Он не чувствует, как ему больно».

«Мужество – это когда человек ничего не боится. Жестокость – это когда человек ничего не жалеет».

И вот мы снова со Степанишиным в пустом классе. И молча смотрим друг на друга. Ну, это ваши враги? Вот эти мальчишки в красных галстуках? Люда с ее песнями и любовью к музыке? Или собака, повинная лишь в том, что выросла похожей на лису?

Я не успеваю задать этого. Тяжело, твердо смотрит мне в глаза и спрашивает:

- Скажите, что, эта собака занесена в «Красную книгу»?

И, не дожидаясь ответа, с таким же напором продолжает:

- Да в чем вы копаетесь? Мне все известно: к деду пошли, в тир полезли, пацанов выслушиваете – и из-за чего? Из-за собачьей шкуры? Вы бы делом поинтересовались. Тут военрук был, и что? Педант.

Не мог он, Степанишин, на это смотреть: детям нужна романтика, подъем, их надо уметь организовать, повести за собой. И он, Степанишин, из физруков перешел в военруки и так за год развернулся, что в этом стареньком тире даже девчонок-очкариков научил 100 из 100 выбивать!

Это правда. Разговаривала я с одной из таких девочек. Она сказала, что да, стрелять Степанишин ее научил, он кого хочешь этому научить может и поднять, и повести за собой тоже, но лично она «в разведку бы с ним не пошла».

- Собака... - продолжает свой монолог Степанишин, – да тут в соседней школе ученика убили, и то никто из Москвы не приезжал!

Из Москвы не приезжали, верно. Из Москвы тогда приезжают, когда на месте меры вовремя не принимаются. Но статья была – как раз за десять дней до происшествия в Клевенской школе. В областной газете. «Отчего плачут матери...» О том, как трое парней жестоко расправились с ни в чем не повинным подростком.

Сейчас нередко пишут о детской жестокости, пытаюсь докопаться до ее корней. Как отмечала газета, этим трем с детства, с колыбели «не заронили в детские души священную любовь ко всему живому».

- Да этих собак у нас около школы столько болтается! Я давно директору предлагал перестрелять всех. А он: «На то есть специальная служба». Да где эта служба?

- И вы...

- Нет, не я, – быстро перебивает меня Степанишин. – Деду шкуры для выделки я давал, но козьи – это не преступление. Ребята что хочешь наболтать могут – это не доказательство.

До чего ж отвратительное занятие – уличать человека. Учителя, отца троих детей... Но существуют авторы письма, существует Люда. И есть еще Людина мама.

Молодая ясноглазая женщина с крапинками белого мела на лице – белила свою сторожку, когда мы пришли, тут они все и живут – взяла Тарасика на руки, прижала к себе. Тарзана, сказала, они взяли вот таким же маленьким, она его, как Тарасика, кормила из соски, вырос он очень большим и очень веселым. Сколько ей было от этой собаки

радости, целый день одна тут, в лесу, а он так звонко лаял! Лаять-то лаял, а вот кусаться не умел – так его муж приучил: кругом же дети... Они и увидели его первый раз на «весильи», на свадьбе значит, хотели заплатить хозяйке, порода-то ценная, но та все отказывалась – щедрых людей больше, чем жадных. Говорят, на шапку Степанишин ее Тарзана себе присмотрел... Да нет, наверное, решил шкуру к стенке на пол бросить – теперь это, говорят, модно.

Когда Люда ей сказала, она, не помня себя, схватила палку и побежала. А потом опомнилась и вернулась – она мать, на нее дети смотрят. Но когда Степанишин к ним пришел и винулся, и что только ни предлагал, чтоб они молчали или там сказали, что сами ему собаку отдали, она как мыла полы, так к нему и не повернулась. И только когда он ей сказал: «Хочешь, я тебе свою собаку подарю?», – не выдержала: «Неужели вы думаете, что я захочу каждый день вас перед собой видеть? Мне вас жаль: душевно бидна вы людына». А собака у них есть. Нашли себе щеночка. Живет в маленькой будке. Ту, большую, она попросила мужа убрать – без слез не могла на нее смотреть.

- Послушайте! – не выдерживая, почти кричу я тут, в классе. – Мне мама Люды... – Да будьте же вы, наконец, мужчиной!

- А... – говорит он. – Сикстинская мадонна...

В голосе его нет, как это можно было бы предположить, иронии, какая-то задумчивость слышится. Некое удивление даже: есть же, оказывается, на свете совсем иная порода людей: мягкие, тихие, как младенцы, но даже ему с ними не справиться.

Сикстинская мадонна...

- Ну ладно, – говорит устало Степанишин, – сдаюсь. Вошла мне эта собака в душу, понимаете? И давно. Просил их поменяться – отказали. Ну, я. В общем, беру все на себя.

Что за «ладно»? Что за «беру на себя»? А истина?

- Да зачем, зачем вам истина? – снова с гневом и недоумением повышает голос Степанишин. – 25 лет безупречной работы – и псу под хвост? Только за то, чтоб вам знать истину?

Знаю я, что Степанишин имеет в виду: не погладят его по головке. Еще и старое вспомнят – строгое взыскание за беспринципное поведение, а не за прямоту и принципиальность, о которых он все толковал. И детей его жалко – такое об отце читать... Но если учителя будут спрашивать, зачем нам истина, то придется в «Красную книгу» записывать не только собак...

Истину до конца раскрывают ребята: «Сегодня он сказал: «Запираться уже бесполезно». Дал разрешение, и они заговорили. Еще зимой, в тире, подхваливая их за то, как точно они бьют по мишени: «Настоящие мужчины!», Степанишин вдруг спросил: «Ну, а кто из вас сможет слупить собаку?» Это был не просто вопрос. Это была проверка – им казалось, на смелость. На настоящих мужчин. Василь промолчал, Саша тоже – он и кролика дома ободрать не мог. А Юра Сасько, эдак ухмыляясь, эта его ухмылка всем в школе хорошо известна, пробасил: «А что, могу». Потом Степанишин показал, какую именно собаку надо поймать. Собака оказалась большой, как теленок, очень красивой и с ошейником, они удивились, но как отступишь? Храбрились – уже друг перед другом. И однажды поймали ее – проводив Люду, Тарзан собирался вернуться домой, – но Степанишин сказал, что сейчас ему некогда, едет в Ровно, и подробно объяснил, что надо сделать. И они вместо ошейника натянули собаке вокруг шеи проволоку, концы привязали к столбам щита, высоко привязали, чтоб ему, Степанишину, удобно было стрелять. Собака не стояла на задних лапах, почти висела. Долго висела. Пока не пришел Степанишин, не взял ружье, не

спустился в тир и не выстрелил. Три раза. В эту так удобно ему приготовленную живую мишень.

- И ушел. А они стали сдирать с Тарзана шкуру. Саша, сославшись на то, что надо копать огород, сразу ушел, и Юра вряд ли ухмылялся, дома потом и обедать не мог, а Василь сказал, что когда собака висела на проволоке, ему стало так ее жалко, что на переменке он принес ей из школьной столовой пряник.

Да, и пряник есть в этой истории, не только кнут. Ведь это, боясь Степанишина, ребята так долго и усиленно подтверждали разработанную учителем версию.

«Почему боялись? - удивился Саша. – Просто не хотели выдавать». А он их – выдал. «Поручил простое дело – не смогли сделать. Тихо, в лесу, без свидетелей – кретины!»

И его, такого, они защищали. За что?

- Он научил нас стрелять, - сказал Саша.

ИЗ АНКЕТЫ

«Мужество и жестокость – это большая разница. Мужество – это когда, например, пожарные едут на пожар спасать и ничего не боятся. А жестокость – это когда не спасают, а делают какую-нибудь пакость. Я очень презираю таких людей».

Анкета из трех вопросов была проведена сначала в пятом и шестом классах – ответы этих ребят и процитированы. А потом в 10 «А». В ответах и здесь было много правильных слов – все ли искренние, правда, судить трудно. Но главное даже не это. В двух анкетах на вопрос: «В чем разница между мужеством и жестокостью?» – было написано: «Не знаю». В 17 лет. После десяти лет школы. На пороге зрелости.

А, возможно, меткие стрелки!..

Парк. Памятник Олеко Дундичу, одному из первых командиров зарождающейся Красной Армии. Львиной храбрости и детской чистоты человек похоронен здесь, в

центре Ровно. Было это в 20-м, и не наша в том вина, что и сегодня мы не можем спрятать в чехлы винтовки, что даже девочки-книжницы хотят научиться стрелять. Но грош цена тому умению, при котором не важно, в какую мишень бить, кого держать на мушке и что защищать.

Инна Руденко

Улица, по которой ты идешь каждый день. М., 1986.

1.3. Портретный очерк

1.3.1. Проблемно-портретный очерк

Поскольку материнская любовь сильнее...

Ее материнская любовь – патология. Она сама признает: нельзя так любить. «Если с ним, не дай бог, что-то случится, я жить не буду. Это цепочка», - спокойно говорит Елена Глекова – мать 20-летнего парня, инвалида 1 группы со списком болезней в два листа.

И я понимаю, что отговаривать ее бесполезно. Она действительно не переживет, потому что для нее Стаська – это больше, чем смысл жизни, это вся ее суть.

...Восемнадцать лет назад ее мир поскользнулся на дорогах бытия. От соседского мальчика Ромки сын заразился гнойным менингитом. Ромка умер, а Стас... Стас потерял часть мозга и из нормального ребенка превратился в инвалида. Было ему год и семь месяцев. Осознание случившегося пришло не сразу. Врачи настоятельно рекомендовали положить ребенка на лечение. На несколько месяцев. Они знали, что, возможно, он не протянет двух недель.

КСТАТИ

Только в Устиновском районе проживает 561 ребенок-инвалид. Только двое из них – опекаемые, остальные –

воспитываются в семьях. 114 из всех – необучаемые, 133 матери вынуждены не работать, чтобы ухаживать за ребенком. Три семьи имеют по два ребенка-инвалида. 186 семей – неполные. Это 37 процентов от общего числа семей, где воспитываются дети-инвалиды.

Елене говорили: забудьте его, рожайте новых.

«Ага. Прямо как поздороваться – родить. А где гарантия, что он тоже не заболеет. И Стаська – это ведь мой сын. Он чем виноват? Я его не оставила. А папаша послушный был. Речам врачей внял. Мужчины – слабый народ. Муж мне ультиматума не ставил, но... В общем, он ушел. Я его нисколько не виню. Мне так даже легче. Ну даже если бы рядом был мужчина, содержащий семью, ему бы и музыки захотелось, и гостей. А куда... Поэтому никаких мужчин, кроме сына, я не признаю».

Елена показывает фотографию – она с сыном. Стасу три года. С виду – нормальный ребенок, без умственных отклонений.

«Тогда он еще бегал. В девять лет отказали ноги. В 12 – хуже стало с сердцем и легкими, потом с печенью. Мне постоянно говорили: до пяти лет не доживет, до 10... А мы живем, да, Стаська?!»

Стаська – ребенок ростом один метр восемьдесят семь сантиметров и около 140 килограммов весом – лежит и смеется.

- Ему весело, и мне хорошо. А когда ему плохо... У него, как у эпилептика, припадки бывают. Он может от этого начать биться головой об стену. Я ему связываю руки и ноги, ложусь рядом, и мы вместе плачем.

...Елена Ивановна молится двум Богам – Иисусу Христу и модитену. Модитен – это препарат, который дарит жизнь ее сыну. Уколы она делает ежедневно. У нее есть специальная тетрадочка, куда она записывает, что и в какие дни нужно колоть. Кроме модитена, нужны препараты для

почек, сердца... Многие лекарства приходится заменять другими (а это то же самое, что грипп лечить витамином С), потому что нет денег. Тысяча тридцать пять рублей – весь доход. Это и пенсия Стаса, и ее 138 рублей по уходу за ребенком-инвалидом. Больше половины уходит на лекарства. Бывают разовые выплаты, но редко. Родственников, кроме мамы, которая живет с ними же в двухкомнатной квартире, никаких. Кстати, мама тоже болеет. Возраст. Вот и мечется Елена Ивановна меж двух огней. О себе забывает. Заболеть нельзя. Отлучиться надолго – тоже. Стас постоянно требует маму. Она обязательно сообщает ему о своем уходе. А отлучаться приходится. То по делам сына (справки, пособия...), то кому-нибудь из соседей укол поставить. Она еще и старшей по дому успевает быть!

«Я в этом доме 28 лет живу. Все соседи – это и есть мои родственники. Помогают – кто овощей подкинет, кто супу Стаське принесет. Но самое главное – морально поддерживают.

...В этом доме я и с мужем познакомилась. Ой, какая любовь у нас была! Если бы тогда мне кто-нибудь сказал, что разведемся, не поверила бы ни за что. А жизнь-то вот как повернула... Сейчас у него другая семья».

- А он вам помогает?

- Нет. По принципу: ты оставила, ты и мучайся. Я не прошу. И не жалуясь. У нас все хорошо. У него, наверное, тоже...

Она действительно не жалуется. Ее оптимизму просто позавидуешь. Сразу понимаешь, что твои проблемы – ерунда по сравнению вот с таким ежедневным мужеством. Глаза невольно возвращаются к фотографии. Елена прекрасная. Молодая красивая женщина украинской наружности. Такой косы плести и разбитных бабенок в фильмах играть. А она играет в жизнь. Свою роль она

выбрала еще тогда. Роль матери своего ребенка. Каким бы он ни был. Хотя сначала надеялась: может, вылечат?

Когда Стасу было почти четыре года, они поехали в Брест, в Институт мозга. И там всякую надежду убили. Тогда она стала понимать, что на карьере можно ставить крест. А возможности были – высшее юридическое образование.

Второе высшее она получила для себя, для Стаса, для отца. Высшее медицинское. У отца был рак пищевода. И она возила его в Москву, кормила через трубочку, уговаривала жить. И про сына не забывала.

И сейчас – все заботы о Стасе. Как «втэковскую» комиссию пройти? Каждый год заставляют. Как будто что-то меняется? И все же, когда несколько лет назад третью группу у многих сняли, недееспособным давали вторую, и уж совсем плохим – 1 группу, им все же оставили первую, Елена Ивановна даже обиделась. «Нет, мы не такие безнадежные, - говорит она и смотрит на сына. - Может, ты нам стихотворение расскажешь?» Парень не хочет.

«Только я его понимаю, он разговаривает на мне одной понятном языке. Он любит сказки. Естественно, высокие материи ему не понятны. Но, между прочим, он понимает, о чем мы с вами говорим».

Эмоции переполняют ее. Она торопится поделиться своими горестями и радостями.

«Это я сейчас вам могу все рассказать. А раньше не смогла бы. Да и слезами умывалась бы. Просто в какой-то момент поняла, что это мой крест, и нечего себя жалеть. Он есть, и ничего не надо. Оптимизм у меня тоже патологический. Бывает, правда, и в подушку плачу... Но я по-своему счастлива. Стаса вот вымыть надо, он у меня чистюля».

КСТАТИ

Мать двух девушек-колясочниц Галина Тюрина стала инициатором создания клуба «Шанс». Действует он на базе ЦСО Устиновского района. Родители детей-инвалидов и сами ребята общаются, здесь помогают друг другу.

Она не осуждает матерей, которые отказываются от таких детей. Она понимает, что так жить, как она, смог бы не каждый. Она хотела бы много детишек (потому что была единственной в семье), но знает, что это невозможно. Стас требует неусыпного внимания и заботы. И она делает все. Возможности матери – самые великие возможности в мире. Она любит своего сына. Все очень просто. И очень сложно. Эта женщина в сорок с небольшим променяла все на эту любовь. И при этом не замкнулась. «Да, мне не дарят цветы, но мне достаточно, что сын чмокает меня в щечку».

На прощание она попросила: «Маша, не называйте меня по отчеству, это очень официально. Можно просто Елена».

А я подумала, что на самом деле ее имя – Мама. С большой буквы.

*Мария Рыкова (2 курс ФЖ, выпускница 2004 г.)
«Ижевск-Экспресс», 2002.*

Бегущая в никуда

«Тетенька, купите мне билетик до Казани», - огромные наивные глаза смотрят просительно, в руке зажата дорожная сумка, на хрупких плечиках яркая курточка. Леське 14. Русая челка, рука протягивает хрустящие бумажки: «Вы понимаете, мне не продают билет, а у меня бабушка умерла вчера... Мы с мамой ехали, только я на остановке вышла, а поезд ушел». На пушистых ресницах появляется слезинка, потом другая. Сердобольная женщина охает: «Как не пожалеть?», и в худеньких пальчиках девочки оказывается билет. «Ты смотри, на остановках не

выходи», - поучает женщина. Леся кивает русой головой, благодарит.

Через несколько часов поезд уже покачивает ее в своих объятиях, в зрачках отражается бегущая платформа, люди, фонари, знакомые пятиэтажки, а детские пухлые губы расплываются в улыбке. Олеся четвертый раз бежит из дома.

Мы давно привыкли к детям из неблагополучных семей, покидающим родные стены. Да и можно ли назвать родным дом, в котором царят пьянство, разгул, где ребенок не получает ничего, кроме упреков, угроз и побоев? Да и дети эти больше похожи на маленьких оборванных волчат, в глазах которых постоянный страх и совсем недетская ненависть. Мы оправдываем и жалеем их, но, встретившись случайно взглядами, плотнее закутываемся в теплую добротную дубленку, сильнее сжимаем сумку с продуктами и спешим домой, где на плите давным-давно кипит чайник, где за столом корпят над домашним заданием дети и лежит на диване, читая газету, муж. Разве это не счастье?

«Моей маме в мае 40 исполнилось, она визажистом работает. У папы своя фирма. Они квартиру купили недавно, красиво там, только как офис: белое все, чистое, - Леся теребит в руках сигарету. - Они Жульку с собой не взяли. Уж не знаю, куда дели. Сказали, что грязи от нее много. А она смешная такая, помесь пуделя с овчаркой: большая, а вся в кудряшках, и хвост кисточкой! И глаза у нее добрые-добрые. Я только по ней и скучаю». Выдох...

Белая клубящаяся завеса на мгновение прячет от меня ее лицо, худенькие ладошки поправляют выбившуюся прядь волос. Как-то нелепо смотрятся эти пальчики, толщиной с сигаретку, и губы, выпускающие дым. Леся ловит мой взгляд: «Можете сказать им, что я курю. Хотя они без этого знают, все равно не брошу. Не получается, да и не хочу», - она равнодушно пожимает плечами...

Первый раз Леся сбежала, когда ей было 11. Нет, не начиталась про дальние странствия, да и Ассоль с «алыми парусами» была ей чужда, просто хотелось уйти: убежать, покинуть. «Ремня ей бы надо хорошего!» - так говорили соседи, когда оборванную девочку в невероятно большом для маленького тельца халате привезли домой. Отец строго смотрел на дочь, мать капала в стакан валерианку.

«Мы все для тебя делаем, - причитала она, - только для тебя!» Она закатывала глаза, а когда звонил телефон, повторяла снова и снова ту самую истину о неблагодарности детей.

«Я не знаю, может ли она плакать по-настоящему. Такое чувство, что смотришь фильм. Вы помните, показывали недавно кино про актрису? - Леся безучастно смотрит в окно. - А Жульку я на улице нашла. Тогда она щенком была. Малюсенькая, комочек такой, и нос влажный, мокрый».

Сначала был Киров, потом Краснодар, Сочи, Пермь. Менялись истории, маленькая девочка на перроне вызывала доверие: хорошенькая, курносая, в дорогой курточке. «А деньги у меня были всегда, я их даже не копила. Они просто были. Иногда просила папу, чтобы он в кино со мной сходил, но у него работа. Он давал мне деньги. А я целому классу мороженое покупала, - Леся вытряхивает из пачки сигарету. - Вы извините, что курю много. Привычка».

Она никогда не знала, куда поедет, просто приходила на вокзал, выискивала взглядом подходящих взрослых и просила помочь: иногда ехала на «похороны», иногда кто-нибудь «заболевал». «Однажды меня монахини подвезли. Веселые они и добрые, пирожками кормили и говорили о боге, но я почему-то в бога не верю».

Родители начинали искать дочку сразу же. Нередко она, проходя в каком-нибудь городе мимо «доски объявлений», видела свое лицо, отпечатанное на серой бумаге: «Пропала девочка. Глаза серые, худощавого телосложения, на правой

щеке родинка...» Леся надвигала кепку на лицо и сторонилась прохожих.

Все истории оканчивались одинаково: ее «узнавали», потом была милиция, приемник для бездомных детей и стоптанные китайские «тапочки» на два размера больше, чем нужно.

«Мне всегда было волос жалко, а в приемнике их стригли, чтобы вшей не было. Хорошо, что они у меня растут быстро, - мимолетным жестом она касается русого облака на голове, - а то, что одежду давали поношенную, - это ничего. Правда, хлоркой пахнет сильно».

Родители никогда не наказывали физически, был только упрек в глазах и запах валерианки. Просыпаясь на следующий день на накрахмаленных простынях, Леся находила рядом с кроватью новые игрушки, шоколад, конфеты, записку: «Ужин в холодильнике. Придем поздно». Ноги ступали на белый мрамор пола, отчего бросало в озноб, ярко светила начищенная люстра, аккуратно рядами выстроились в ряд цветные игрушки, поблескивала полированная мебель. И до боли в висках ей хотелось тогда забраться на покрытую дерматином полку в поезде, смотреть на серую стену, где кто-то нацарапал: «Здесь был Вова», и не знать, что ожидает ее на следующем перроне. «И чтобы рядом была Жулька, - Леся достает из пачки третью сигарету. - Можно?»

*Ольга Мотошкова (выпускница ФЖ)
«Ижевск-Экспресс». 2004, 5 февраля*

1.3.2. Биографический (юбилейный) очерк

Король скромности

«Уйди в монастырь, к чему плодить грешников?» - вкрадчиво проронил принц Датский. И необычайно мягкой дерзостью задел сердца множества женщин.

На вопрос: кого из современных актеров он ставит себе вровень - Иннокентий Смоктуновский тихо ответил: «Никого».

Неофициальный аристократ

Даже в зените славы для властей Иннокентий Михайлович Смоктуновский был странен. И не вписывался ни в какие официальные схемы.

Родился он 28 марта 1925 года в селе Татьянаовка Красноярского края в семье крестьянина. При этом обладал довольно аристократической внешностью: тонкое лицо и благородная красота рук. По словам самого Смоктуновского, никто из его предков к дворянской среде не принадлежал. А прадед его служил егерем в Беловежской Пуще и случайно убил зубра. Кто-то донес, и прадеда сослали в Сибирь.

«По крови я не поляк, - говорил Иннокентий Михайлович, - а белорус и фамилия наша - Смоктуновичи». Но и в армии, и позднее в Норильске его подозревали в «скрытом еврействе», что в те годы могло осложнить и без того трудную судьбу, и когда он отказался сменить фамилию, его уговорили хотя бы сделать ее «более польской» - Смоктуновский.

Родную деревню он покинул в 1929 году, четырех лет от роду, когда шла насильственная коллективизация, был голод, его родители отказались идти в колхоз и переехали в Красноярск.

Не имея никакой профессии, отец пошел работать грузчиком – он был человеком огромной физической силы и двух метров роста. Мать нашла место на колбасной фабрике и таскала оттуда кости. Вкус от бульона, сваренного из них, Иннокентий Михайлович помнил, по его словам, всю жизнь. Но наступил 1932 год и снова жуткий

голод. Семье пришлось отдать Кешу и брата Володьку к сестре отца Надежде Петровне.

«Жизнь была бы вполне сносной, но начались ссоры между теткой и матерью, и эти скандалы здорово били меня по душе. Защищать тетку значило предать мать и наоборот», - вспоминал Иннокентий Михайлович. Дядя Вася, муж тетки, баловал Кешу: сделал ему поистине царский подарок по тому времени – хоть старый, но настоящий велосипед, ставший предметом зависти всех окрестных мальчишек.

Учился Кеша более чем средне, были лишь упрямство и самостоятельность мышления, за что, как это часто бывает, его недолюбливали учителя. Особенно их раздражало, когда мальчик не боялся с ними спорить и защищать свою точку зрения.

«Я думаю, что унаследовал эти черты от отца, - говорил Смоктуновский. - Так же, как способность к изображению и передразниванию окружающих людей. Отца, который обожал такие фокусы, считали чокнутым. Не избежал и я в дальнейшем такого же прозвища».

В полузабытье от смелости

В Красноярске был профессиональный театр, и попал туда Кеша впервые в 14 лет. Казалось, сам воздух здесь был наполнен волшебством и тайной, все было неведомо и немного страшно. Вот эти первые театральные впечатления и привели мальчика в драмкружок, которым руководил актер Красноярского театра Сеницын.

1941 год – рубеж, за которым осталась мирная жизнь. Отец Иннокентия Михайловича ушел на фронт и в 1942 году погиб. Юноше приходилось помогать семье – совмещать учебу в школе с занятиями на курсах киномехаников и работой. Единственной отдушиной для него оставался театр. Кеша поступил туда статистом, но вскоре, в январе 1943 года, его забрали в военное училище.

Там Смоктуновский пробыл недолго: за то, что голодный, он собирал оставшуюся на полях картошку, его отправили на фронт, в самое пекло Курской дуги.

В беседах со мной он всегда подчеркивал: «Храбрость состоит в том, что тебе страшно, а ты должен преодолеть животный ужас и идти вперед». Смоктуновский пробыл в фашистском плену более месяца. Он прекрасно знал, что за попытку к бегству полагается немедленный расстрел. И все-таки бежал. Залег под мост и лишь перст судьбы спас его от немца-часового.

Иннокентий пробирался сквозь чащи, ослабев от голода настолько, что то и дело впадал в полузабытье. И лишь добравшись до поселка Дмитровка, постучал в избу. Ему открыли. «Разве я могу забыть семью Шевчуков, - говорил Иннокентий Михайлович, - которая укрывала меня после побега?.. Мы всегда их радушно принимаем».

В мае 1944-го произошло соединение партизанского отряда с регулярными частями Красной армии, где в звании старшего сержанта, командира отделения автоматчиков 641-го гвардейского стрелкового полка 75-й гвардейской дивизии Иннокентий Михайлович заслужил медаль «За отвагу» - вторую в его биографии.

Добровольная ссылка

После демобилизации Смоктуновский постарался поступить в театральную студию при Красноярском театре, но на сцене он был страшно скован и вскоре его из студии выгнали. «Я жил в постоянном страхе, что в любую минуту меня могут посадить за то, что был в немецком плену, - вспоминал Иннокентий Михайлович, - и решил затеряться где-нибудь. Выбрал Норильск – столицу ГУЛАГа. Наверное, потому, что дальше сослать было бы все равно некуда». В этой добровольной ссылке Смоктуновский провел четыре года, подорвал здоровье, потерял все зубы. Но там же

прошел прекрасную профессиональную школу. В Норильском театре работали превосходные артисты: Жженов, Юровская, Лукьянов и другие. Вспоминает Георгий Жженов: «Я встретил Смоктуновского в 1948 году. У нас сложились добрые отношения, хотя я и относился к нему с некоторой иронией. Я видел его способности, но он был провинциал, и у него не было никакой актерской школы.

В театре платили гроши, и Кеша очень нуждался. Я ему посоветовал научиться снимать и одолжил деньги на фотоаппарат. После войны в любой семье были погибшие, и люди платили последние деньги за фотопортреты. Вскоре Кеша не только отдал мне долг, но и приоделся. Я ему и посоветовал: я-то зэк, а он вольняшка и ни к чему ему здесь время зря тратить, дам ему рекомендацию к Аркадию Райкину, с которым учился до войны в Ленинграде. Но страх перед режимными городами, такими, как Москва, Ленинград, где могли провести о его пребывании в плену, привел к тому, что он уехал далеко на юг, в Махачкалу, где тепло и масса фруктов».

Доведенный до отчаяния своим нищенским положением в махачкалинском театре, Смоктуновский следом отправился в Сталинград. Были здесь и личные причины: короткий брак с актрисой Риммой Быковой, которая поступила в Сталинградский театр...

Однажды на гастроли в Сталинград приехал Театр им. Ленинского комсомола. Иннокентий Михайлович понравился режиссеру Софье Гиацинтовой. Она пригласила Смоктуновского в Москву. За приглашением последовала вялая двухлетняя переписка с театром, и Смоктуновский твердо заявил: если за пару лет я не смогу сделать ничего, ради чего следует оставаться на сцене, я бросаю театр.

Мимоза для Саломеи

Через три дня он явился в Москву. И начались муки с показами, когда все вежливо говорят о твоём таланте, но потом отводят глаза: извините, вы нам не подходите. «Что самое обидное, - рассказывал актер, - по ходу показа раздавались смех и аплодисменты, но это ровным счетом ничего не меняло». Но вот наконец дали так называемые разовые выходы на сцене Театра им. Ленинского комсомола. Оплата в 7 рублей за выход актера не смущала. Пусть и спать порой приходилось на подоконнике.

Затем судьба свела его с девушкой, работавшей театральным художником-костюмером. Девушка эта была красива, умна, с каким-то особым чувством собственного достоинства. И через несколько дней Иннокентий Михайлович принес в костюмерную две веточки мимозы для своей Саломеи.

Вспоминает Саломея Михайловна Смоктуновская, ставшая его женой, матерью двоих детей, верным спутником и другом: «Мне было 28 лет, никаких романов серьезных у меня до этого не было. Я не была замужем, но считала себя очень счастливой, поскольку обожала свою работу. Выражаясь современным языком, была девушкой вполне самодостаточной. И вот я встретила Иннокентия Михайловича. Был ли это солнечный удар, как описывает чувство влюбленности Бунин? Скорее нет. Скорее это было все время разгоравшееся чувство. Предвидела ли я сразу его огромный гениальный дар? Сказать «да» тоже было бы преувеличением. Я и сегодня не смогла бы точно определить его. С моей точки зрения – это дар судьбы, некая тайна. Да и встреча наша и любовь тоже носили на себе отпечаток перста судьбы».

Он звал ее Соломка, и она действительно стала для него той соломкой, ухватившись за которую, он медленно, но верно выплыл навстречу своему успеху. Прежде всего,

переехав к жене, он получил «прописку», заветное слово, без которого ни на какую работу не брали. Но куда важнее было другое. Иннокентий Михайлович почти физически ощутил, что все страшное позади, что есть на свете доброта, есть любовь. И ее так много в этой хрупкой девушке...

Он звонил ей со всех съемок и гастролей, привозил продуманные и прочувствованные подарки. И уж, конечно, не было ни одной роли, ни одного вопроса в его творческой биографии, по которому он бы не советовался с женой. Эта сдержанная худенькая женщина обладала еще и стальной волей. Хотя сама она считает, что лишь служила беззаветно своему мужу, в чем видит призвание жены вообще.

Я гений – леденеет кровь!

Однажды знаменитый режиссер Ленинградского Большого драматического театра Георгий Товстоногов, который как раз собирался ставить спектакль «Идиот» по Достоевскому, увидел Смоктуновского на экране. И закричал: «Глаза, смотрите, какие у этого актера глаза – ведь это глаза князя Мышкина!»

И вот Иннокентий Михайлович – на сцене знаменитого театра. Работать было так тяжело, что несколько раз Смоктуновский хотел отказаться от роли. «Вроде все относится ко мне недурно, - писал он жене, - но очень долго роль не получалась, многие считали меня юродивым, а не таким я представлял себе Мышкина». Соломка утешала и подбадривала мужа: «Затаись, Кешутка, у тебя прекрасный помощник – Федор Михайлович Достоевский и все у тебя получится». И не только получилось. Он произвел фурор.

Я сидела, не шелохнувшись, в третьем ряду. Рогожин – актер Евгений Лебедев – спрашивал у князя Мышкина, каковы его отношения с женщинами. «А я женщин не знал», - отвечал смущенный Мышкин, и краска медленно поднималась у него по щекам. Я была так ошеломлена, что

снова попросилась на то же место в третий ряд. И в той же сцене с Рогожиным краска смущения вновь залила щеки князя. Какая система Станиславского... Это было настоящее чудо.

Смоктуновский сам тихим голосом признавал, что он – гений. Говорил это, смущенно опуская глаза, как будто стеснялся, но не мог не отметить очевидного факта. И когда наша соседка Алла Демидова спросила его, кого из современных актеров он ставит себе вровень, Иннокентий Михайлович тихо ответил: «Никого».

Однако при такой уверенности в себе в нем оставалось много детского. Он не любил фамильярности, но почти все к нему обращались просто Кеша, как к большому ребенку. Среди этих детских черт меня особенно удивляла его непосредственная радость от похвал в свой адрес. После князя Мышкина он стал не просто знаменитым. Все в голос заговорили о его гениальности, и линия судьбы вывела его на роль Гамлета в одноименном фильме режиссера Козинцева. И никаких режиссерских трюков, перед нами был просто страдающий человек, жаждущий справедливости.

Время добрых надежд

«Многие упрекали меня, что я не щажу Кешу. И он работает так много, потому что дети и семья требуют средств. Но это неправда. Жили мы очень скромно. Да и прежде всего сам Кеша был абсолютно нетребовательным в быту, далеким от светской жизни и показухи. Но я интуитивно чувствовала, что ограничивать его в работе, равно как не дать птице петь. Поэтому и смотрела с пониманием, когда, уйдя от Товстоногова, он метался по разным театрам, пока не пришел во МХАТ. К Ефремову, а вернее – к Чехову. Ведь он переиграл почти все чеховские роли: Иванов в одноименной пьесе, Войницкий в «Дяде

Ване», Дорн в «Вишневом саде», - рассказывала Саломея Михайловна Смоктуновская.

...На похоронах Иннокентия Михайловича актриса Людмила Касаткина негромко сказала: «Умер король!». Но для меня он по-прежнему живой. Не только в образах, созданных им на театральной сцене, в кинематографе... но и просто как человек. Мы соседствовали с ним дверь в дверь в нашем Доме искусства подмосковной Икши в течение 14 лет. Иннокентий Михайлович был человеком на редкость доброжелательным, совершенно несуетным, что так отличало его от множества талантливых и знаменитых коллег. Блестящим рассказчиком, писателем, создавшим изумительную книгу «Время добрых надежд». И глядя на его портрет, невольно задумаешься: как повезло нам жить в одно с ним время. Талант его вошел в историю нашего искусства и вряд ли когда-нибудь забудется.

Елена Корневская
«Экспресс-интернет». 2005, № 3

Революционная личность

К 70-летию Кузьмы Куликова

Кажется, что он – оттуда, из революции. Из той, ныне почти уже исчезнувшей породы людей, кто яростно сражался на фронтах Гражданской, не щадя живота своего строил невиданную новую жизнь с ее тяжелой индустриализацией, безжалостной коллективизацией, неслыханной культурной революцией, когда вековую лучину и тусклую керосиновую лампу исторически в одночасье заменила ярко вспыхнувшая лампочка Ильича.

Хотя доподлинно известно, что родился он много позднее, уже в 30-е годы, точнее в 1937-м (в том самом!), еще точнее – 8 ноября (еще недавно это безоговорочно воспринималось почти как революционный мандат). Не

стану больше интриговать читателей. Впрочем, вы его уже знаете: это – Кузьма Иванович Куликов. Кажется, его знают все. По крайней мере у нас в Удмуртии. Но и не только. Сейчас он на пороге своего славного 70-летнего юбилея. Что и говорить, солидная дата. Но глянцевая юбилейная статья о нем не получится. Безнадёжно. Это же Куликов. Человек, который не помещается ни в какие рамки, обязательные предписания, общепринятые нормы, формы, устоявшиеся каноны, тем более – юбилейные жанры. Ему там тесно и скучно. Поэтому – вот такие свободные строки – некоторые размышления о его удивительной жизни.

Родился Кузьма Иванович на благословенной алнашской земле. Его младенчество и детство, да и юность тоже, пришлось на военное лихолетье и трудную послевоенную разруху. Однако алнашский культурный слой с его плодородным черноземом или собственные жизненные ресурсы тому причиной, но вырос этот уже тогда необычный в своих суждениях и поступках молодой человек стойким и сильным, крепко стоящим на земле. Казалось, ему никогда износу не будет. А своей буйно-кудрявой, огненно-золотой шевелюрой он мог поспорить с самим солнцем. Но по-пустому спорить было некогда, надо было выживать, тяжело и много трудиться. Потом были Асановский сельхозтехникум, Ижевский сельскохозяйственный институт. Его заметили. Впрочем, не заметить Кузьму было невозможно. Его рекомендовали на ответственные посты в партийные органы. Был успешен, популярен, но в жесткие рамки партийного регламента вписывался с трудом. Он всегда был слишком самостоятелен и потому неудобен. Сбежал... учиться в Москву. Защитил две диссертации – кандидатскую и докторскую. Вот уже три десятилетия директорствует в головном институте удмуртоведения. Вообще-то официально этот институт называется иначе – Удмуртский

ИИЯЛ УрО РАН, а в народе многие его уже называют просто – «куликовский институт». И не случайно. Современный академический Удмуртский институт истории, языка и литературы – во многом его детище. Если прежний УдНИИ с ежегодными безлико-безымянными «Учеными записками», своеобразными «братскими могилами» статей, так сказать, был широко известен лишь в узких кругах, то теперь многочисленные академические труды, в том числе монографические, энциклопедические издания сотрудников института, пользуются большим спросом и высоким авторитетом в научном сообществе, и не только в нашей стране. На них регулярно поступают заявки из научных центров Европы, Азии, из Библиотеки Конгресса США. Жаль, в последнее время тиражи стали неприлично малы.

Строительство своего института К. И. Куликов осуществил по-революционному решительно. Прежде всего пробил разрешение на возведение нового здания. Не хватало денег, рабочих рук. Директор мобилизовал весь коллектив, сам лично бетонировал подвалы. Красавец-институт вырос как на дрожжах по соседству с университетом, что было весьма стратегично. Куликов решительно взялся и за строительство научных кадров: почти обычным делом стали защиты диссертаций, появились свои доктора наук, повысилось качество исследований, расширилась и актуализировалась их тематика, внедряются современные технологии. На крупных отечественных и международных форумах удмуртская делегация (а значительная ее часть из института) – одна из самых представительных, и не только по количеству.

Сам Кузьма Иванович работал не покладая рук, по-революционному не щадя ни себя, ни других. Он одним из первых в Удмуртии и в СССР предложил по-новому исследовать проблему Гражданской войны, увидев в ней

великую драму и трагедию страны. Он издал несколько этапных работ о знаковых фигурах удмуртской истории: Кузема Герде, Трокае Борисове и других. Кузьма Иванович Куликов – один из инициаторов жанра научного портрета. Широкий резонанс получили его книги, посвященные профессорам С.И. Ворончихину, Н.В. Воробьеву, А.И. Перовицкой (а книга о самом Кузьме Ивановиче могла бы сложиться в многотомный захватывающий роман, как говорится, Дюма отдыхает). Куликов стоял у истоков возрождения народных промыслов и декоративно-прикладного искусства в Удмуртии. Итог – дома народного творчества во всех районах, многих деревнях. Особую популярность приобрели конкурсы-фестивали резчиков по дереву, ежегодно проходящие по городам и весям Удмуртии, капитальный альбом-монография «Возрожденная древность», где Куликов – одновременно автор аналитического текста и мастер художественной фотографии. Он загорелся и зажег многих идей возрождения удмуртских гуслей-крезя. Мелодия небесной росы теперь уже звучит во многих уголках удмуртского края. И еще много-много хорошего и интересного связано с Куликовым.

Кузьма Иванович Куликов – многогранная и интересная личность во всех проявлениях. Причем, за что бы он ни брался, все делает по-своему, по-куликовски. Не случайно он всегда и везде представляется коротко: «Я – Куликов». Говорят, справный крестьянин должен владеть тремястами профессиями. Куликов – из крестьян. В своей деревенской усадьбе он все делает сам. И делает классно. Собирает грибы (как будто косит косой), ягоды (как будто черпает лукошком), солит рыбу, капусту (как никто), профессионально разводит и пропагандирует каких-то индюток. Он заядлый охотник, (кстати, первая его художественная книга – «Белые тропы»), ходил на медведя,

кабана, добывал лосей, волков, промыслял зайцев, лис, боровую дичь (его фирменное блюдо – глухарь под клюквой или брусникой и, конечно, под водочку), неутомимый рыболов. А как лихо он водит машину (однажды своими глазами видел, как он чуть не задавил зазевавшегося, нерасторопного гаишника и щедро наградил его такими отборными проклятиями, что тот ...в панике бежал. А вы когда-нибудь видели удирающего доблестного служителя ГАИ?).

Кузьма Иванович Куликов и в городе (любом!) чувствует себя комфортно, как дома. Он завсегдатай многих вернисажей, премьер, концертов, различных культурных акций. А как он самозабвенно поет! Это надо видеть и слышать. Токующий глухарь – ничто по сравнению с поющим Куликовым. Он везде свой. Объездил с лекциями, пожалуй, всю страну, посетил Париж, Будапешт, Хельсинки и многие другие зарубежные города. А в Москве, говорят, однажды увидев, как один некультурный москвич бросил окурок, заставил его немедленно поднять и отнести в урну. Это – Куликов.

Кузьма Иванович порой весьма жесткий, а иногда даже жестокий. Кажется, половина человечества им восхищается, другая половина – совсем наоборот. Но ведь не зря говорят, что хороший, всегда удобно-эластичный характер чаще встречается у подлецов. У Куликова характер явно не мед и даже не сахар. И Кузьма Иванович Куликов далеко не ангел с крылышками. И все же очень часто он взлетает и летит – фамилия ведь тоже обязывает. А еще он наш «удмуртский Пьер Ришар». Вылитый.

У Кузьмы Ивановича Куликова надежный тыл: мудрая жена Галина Николаевна, красавицы-дочери Светлана и Елена, очаровательная, уже почти самостоятельная внучка Даша, совершенно замечательный внук Андрей, который уже давно уверенно шагает по стопам своего великого деда.

Помимо того, что Кузьма Иванович Куликов, как уже говорилось, директор, он еще доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки России, лауреат Государственной премии Удмуртии, лауреат Национальной премии имени Кузеева Герда, член диссертационных советов, научный руководитель аспирантов, автор десятков книг, монографий, сотен статей, удостоен правительственных наград. А главное, и прежде всего – это удивительнейшая, уникальная, абсолютно неповторимая личность.

Сейчас у Кузьмы Ивановича Куликова, кажется, наступил момент истины – невероятно трудная пора жизни. Впрочем, легкой жизни у него никогда не было. Но теперь судьба, видимо, решила испытать его как никогда сурово и даже невыносимо тяжело. Это все равно что начинать жизнь с самого начала, почти с чистого листа. Какие силы нужны, чтобы выдержать все это! И все-таки хочется верить и надеяться, что он все вынесет, споровит, как у нас говорят в народе. Ведь это же сам Кузьма Иванович Куликов!

Со славным 70-летием вас, дорогой Кузьма Иванович! И прежде всего – здоровья вам и удачи! Остальное у вас есть или вы добудете сами.

Владимир Владыкин
«Удмуртская правда». 2007, ноябрь

1.3.3. Психологический портрет

Песня

«Все с песни начинается. И работа, и застолье. Даже ребенок рождается: он не плачет – поет. В песне – сила. Да еще какая...»

*Песня пусть начинается, до небес поднимается,
Светом пусть наполняется, как заря.*

*Посидим по-хорошему, пусть виски запорошены,
На земле жили-прожили мы не зря.*

Это же беда, в чем-то я перед Богом провинилась, если простуда или горло болит... Как петь? А как без песни?! И работа не идет, и радость – не радость. Затопишь печь: дровишки трещат, попискивают. Поют по-своему. Сало на сковородке шипит – мотивы выписывает. Чайник закипел – запел солистом в хоре. Ну как не подпеть?

И с бумагами, серьезность серьезностью, а ведь никакого сладу, если не поется. Всё – непорядок. Казалось бы, бухгалтер. Но что ни говори, любая работа – песня. 33, 45, 68... Какая мелодия, а?

Вечером дома ребяшня носится, муж с работы возвращается. День в семье только начинается. Откуда силу взять? Запоёшь и ух! Как всё спорится!

И хворь песней прогнать можно. Всякая хандра песни боится. На пенсии и вовсе раздолье. Не болеть надо, надо в хор идти.

*Все традиции наруша,
Вот уже немало лет
Выступает хор старушек,
Дирижером в хоре дед.
Хор как хор, своя программа,
Песня льётся и звенит:
«А мне мама, а мне мама
Целоваться не велит».
Дальше – звонче, дальше – пуще.
Весел хор, хоть стар и сед.
Этим бабушкам поющим
Вместе больше тыщи лет.
Ой ты Русь, моя Россия,
До чего ж ты молода,
Если бабки озорные
Позабыли про года.*

*Прочь заботы и усталость.
Пусть в народе говорят:
«Ишь как Дарья расплясалась,
Как Настасья разоилась».
Песня снова разрасталась,
Вышла пляска на простор.
Чтобы встретить так же старость,
Запишусь я к бабкам в хор.*

Да как старухам не петь? Столько всего было. О былом - пережитом только песней и рассказывать. Как мы рождались! Кто в поле, кто в лесу, кто в хлеву. В подол – и вот те первый рабочий день. Потом запишут в церковную книгу, кто когда родился. И вся память деревни – в одной церкви. А церковь, на тебе, сгорела. Вспомнить, оно, конечно, всего не вспомнишь. Собрались матери вместе и по дням всех святых дни рождения детям расписывать начали. Анна в сенокос родилась. Стало быть, ближе ко дню Святой Анны, 18 июля. Не просто же так её назвали. Екатерина – зимой. День Святой Екатерины – 7 декабря. Вот и праздную день рождения 7 декабря. Главное, родилась же!

*Меня мамочка родила
На сарае в коробу.
Меня курочки топтали,
Я отчаянна расту.*

Так и росли. Детство наше – это коллективизация. Пробосячили по-деревенски и слава Богу.

*Мы помним, как ели лепёшки картофельные
И только о хлебе мечтали всегда.
И вынесли всё мы: и голод, и беды,
Родная навеки, деревня моя.*

А молодость – война. Не петь – не выжить. У каждого своя война. Своя песня. Моя молодость по пояс в снегу и воде. Все вместе, женщины и дети, вот кто строил железную

дорогу Ижевск – Балезино. Там люди всё оставляли: семьи, здоровье, жизни... Не по рельсам, по костям ездите.

Там между Диньшуром и Балезино холмик есть. Его и не видно уж никому кроме меня, наверно. Мальчонка с нами был. Откуда только сирота прибился? За водой побежал... и под поезд. Царство ему небесное.

*То не ветер ветку клонит,
Не дубравушка шумит,
То моё, моё сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.*

Дед мой, бывало, и выпьет, а о войне говорить не любил. Война – смерть. Кто о ней говорить любит? Так и не знаю про его войну ничего. Когда в 43-м десятый класс заканчивал, его на фронт забрали. Может быть, и стал бы Паля учителем, как мечтал. Но война не спросила, кто чего хочет.

*Мне кажется, порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей.*

На финском фронте Паля был. В Вене воевал, победу встречал в Праге. Но это его жизнь, его война. Меня там ещё не было. А ордена сынишка растащил. Однажды хватились – это есть, того нет. Даже мой орден Матери-героини до дыр заносил. Пустое место осталось. Вот такие мы теперь герои. Все наши ордена и медали – дети и внуки.

*Спелый хлеб закачается, жизнь, она не кончается,
Жизнь, она продолжается каждый раз.
Будут плыть в небе радуги, будет мир, будут праздники,
И шагнут внуки-правнуки дальше нас.*

И сейчас живу – песню пою. О детях. Старшая, Надя, теперь в Екатеринбурге. Актриса по жизни. Ни дать ни взять – актриса. Всю жизнь с цифрами работает. Но чуть что – тут же на сцену. Всё ей восемнадцать! И поётся, и

танцуется. Ну дай Бог, оно ведь и веселее, и легче. Дочь её, Лариса, уже и правнука мне выдумала. Ну какая же я пробабка? Лариса эта – пацан в юбке. Дочкой младшей у меня росла. Глаза зажмурит – и в стаю гусей несётся. Ничего не боится. А однажды в подполье открытое упала. Достаём её – всё лицо в крови. Господи! Пригляделись, а она вся в краске. Играли они с подружкой, красились. Ой... Партизанка ещё та! Убежит, днём с огнём не сыщешь. Было дело, полдня искали. Глядь, спит... в будке у Тузика. Вот тебе и первая внучка, бабушка.

Самая младшая внучка, Настя, ещё после правнука родилась. Молодец моя Таня, не побоялась. Все дети поосторожничали. А Таня на троих отважилась. Татьяна сама – девка боевая. Она и родилась-то нам сюрпризом. Уж очень сына хотелось. Как-никак уже три дочери было. И вот долгожданный Володя. Так ведь ещё следом за ним девка лезет. Двойня! Вот и лезет моя Таня до сих пор во всё. Везде шустрит, всё успевает. Вот это точно про неё:

Ох, и бойкая я!

В девках не остануся.

Ну и горе же тому,

Которому достануся!

Терпи уж, Сергей, раз тебе досталась. Сам знал, что брал.

А Володя теперь в Сургуте. С нефтью работает. Помогает, поддерживает. Спасибо снохе Любушке. Ведь при хорошей жене муж из единицы десяткой становится. И дети у них умницы. Дочь Ирина в МГУ учится. А сына он в честь отца Павлом назвал. Подрастёт, посмотрим, какой он Павел. Дальше всех они от меня. Но с детьми расстояния нет. Время есть, а расстояния нет. Очень любят они, городские, Балезино. Наверно, всё же Родина, тянет.

Мир полон радости и счастья,

Но край родной милей всего.

И так прекрасно возвращаться

Под крышу дома своего!

Ближе всех у меня Верочка. Они с дочкой Алёнушкой хозяйки теперь в нашем доме. До чего же добрые души! Вера последнюю рубашку отдаст, только попроси. Почтальоном работала, так её весь посёлок знал, все любили. И сейчас идёт по улице – многие узнают, здороваются. А Алёнушка уж невеста. Она у нас любую скотинку пригреет, подлечит. Вот они – хранительницы нашего дома. Здесь вся семья собирается. Вова приезжает, Надя. Таня прибежит. И Люба здесь недалеко. Тоже легка на подъём. Она у нас всегда, везде первая была. В школе – отличница, спортом занималась, музыкой. Институт закончила, мечту отца в жизнь воплотила – учителем стала. Женихов-то море, а она всё в девках. Мы уж с дедом переживать начали. Тут Люба возьми да за своего ученика замуж выйди. Люди посудачили-посудачили и завидовать стали. Хороша семья получилась. Дочка у них с медалью школу закончила, и сын – парень башковитый.

Вот такая песня. Жалко только: дед немного попеть успел. Кому уж сколько положено, тот столько и споёт. А мы соберёмся все вместе – и свою застольную:

Если на празднике с нами встречаются

Несколько старых друзей,

Всё, что нам дорого, напоминает,

Песня звучит веселей.

Что-то, конечно, напоминает. Но уже не всё... А как хотелось бы, чтобы история детям осталась. Ведь пока о людях помнят, они живы. Судьба человека – это же песня. Настоящая, самая душевная... Нельзя забывать песни.

Никогда не забуду,

Словно было вчера,

Материнские песни

И в метель вечера.

Песня, русская песня,

*Как же ты хороша!
Песня, русская песня,
Жизни нашей душа».*

Милая моя бабуля, не договорили мы с тобой, не допели. Столько всего хотелось разузнать, записать, запомнить. Допить самый вкусный чай под твои прибаутки. Всё время я куда-то спешила. Уже больше года не поём мы вместе. Нет чая, нет перепечей... Нет целой жизни. Но ты слышишь, бабуля, песня есть! Не могу написать о тебе была. Не могу! И те сотни людей, которые провожали тебя в последний путь, и тот хор, в котором ты пела, даже когда не могла идти, и те похороны, которые стали свадебной песней, как ты хотела, - мне не свидетели. Ты с нами рядом и будешь всегда, потому что ты – песня.

*Наталья Дьяконова
(4 курс ФЖ), 2004 г.*

Портрет художника

Сына раскулаченного крестьянина-трудяги в 1941-м не призвали вместе со всеми как неблагонадежного. Но в 42-м коммунистическая щепетильность уступила место жизненной необходимости мобилизовать всех, умеющих держать в руках ружье. Тогда и старший Безносов ушел на фронт.

Повезло ему на войне дважды. И по-крупному. Однажды машина наехала на мину, и ее буквально разорвало в клочья, его же на листе фанеры ударной волной выкинуло далеко в поле. Второй «счастливый случай» стал последним в его фронтовой биографии. На шаг отошел он от своего артиллерийского расчета доложить прибывшему командованию обстановку. В этот миг накрыло весь состав. Он выжил единственный, но занесенную для отдачи чести руку прошило осколками, перебило нерв, сухожилия. Он стал инвалидом на всю оставшуюся жизнь. Таким образом,

в 1943-м судьба вернула «счастливчика» в родную деревню Верхний Люк Завьяловского района к жене с дочерью. Стоковавшаяся счастливая женщина 9 мая 1945-го наградила его сыном. Так в День Победы на свет появился наш герой – Игорь Александрович Безносков.

Рос, сроднившись с природой. В голодные времена на сосновой коре пекли хлеб, спасали отцовская пасека да охота. В школьных сочинениях Игорек так и писал: «Буду или таежным охотником, или художником».

Тайга – далеко, а Казанское художественное училище – под боком. Закончив школу, попытался туда поступить, но деревенской подготовки для знаменитого учебного заведения оказалось маловато. Там впервые увидел, как пишут акварели.

Возвращаясь ни с чем из Казани домой, заметил в Ижевске объявление о наборе на худграф тогда еще Удмуртского пединститута. Поступил. Учился ни шатко ни валко. Когда вышел на диплом, увлекся творчеством Ван Гога. Уехал на пасеку, написал там в стиле великого мастера работу – вакханалия чувств, экспрессия цвета, мазков. Руководитель дипломного проекта, пропагандист реализма в советской живописи, только за голову схватился и отказался от студента, передав его в руки постимпрессионистов института.

На долю начинающего художника выпало послужить и в войсках ПВО. Открыл для себя жару Казахстана, красоты Балхаша и ...неприкрытое хамство офицеров. «Все стоит на мате. Немудрено, что лодки тонут», - с высоты сегодняшнего дня грустно констатировал Игорь. А тогда его просто «обменивали». Нужен в Дом офицеров сантехник, начальство отдаст художника в часть, а на его место на недельку берет слесаря. «Бартер существовал уже тогда».

После армии по непреодолимой тяге вернулся в Ижевск. Поработал на заводе им.Ленина, в художественном фонде.

«Много железа погнул», - усмехается художник. В те годы заказы поступали в основном на чеканку. Оформил он цоколь кинотеатра «Удмуртия», правда, не очень доволен: «Как корове седло булыжной архитектуре мои изыски». Художественная ковка и чеканка Безносова украсили фойе и залы профилакториев «Геолог» и «Машиностроитель». До сих пор стоят у него в квартире отчеканенные диски «На охоте», «На пасеке», «На рыбалке».

«Живопись у меня получается грустная. В 1988 году финал моих отношений с любимой женщиной из Москвы был ознаменован обращением к перу с тушью. С тех пор я мыслю графикой. Был период, выходил из дома только за двумя вещами – тушью и хлебом. Ежедневно работал до двух-трех часов ночи». Результат – более трехсот работ на деревенские сюжеты.

Это – свет из детства. Вот отец нарисовал мальчишке лошадку с шеей, выгнутой коромыслом, на другую посадил всадника с шашкой. Сын старательно вырезал и приклеил их на окно: скачут воины вперед через дождливый день – в сегодня. Или еще сюжет. Дед Харитон навеселе со своей старухой на телеге едут домой. Задремали под медленный ход клячи. А та, не будь дурой, зашла в воду – пить-то хочется. Дед проснулся, смотрит вверх – звезды, глянул вниз – звезды. Толкает бабку: «Вставай, старуха, на небо заехали!»

А рядом – «Деревенская пирушка». Смотришь на лист бумаги и чувствуешь, как пахнет рыбными пирогами, деревенской брагой, капустой. Недаром камертоном для художника в его творчестве всегда были пушкинские строки: «Здесь русский дух. Здесь Русью пахнет...».

Любил Игорь бегать под дождем, слушать матушкины рассказы о колдовстве, леших, ведьмах, оборотнях. Есть у него серия работ с «чертовщинкой». Идут косые дожди. Если прислушаться, то можно услышать и гром: «Это Илья

Пророк на колеснице проехал». В детстве верил в Бога искренне. Сейчас такой чистоты в чувствах уже нет. Не соединяется душа с реальностью. Пугает бездуховность общества. Но в его сердце живет вера в Гармонию, Память, Справедливость. Каждое утро надевает Игорь на себя крест, который матушка дала ему еще в армию. И произносит простые и емкие, как сама жизнь, слова: «Светлая память вам, родные мамка и папка».

Живет он один. Не повезло в жизни с той единственной, которая встречается раз и навсегда. «Все влюблялся, да не в тех...» Долго длился роман с москвичкой. Но Москву Игорь откровенно терпеть не может. Скорее всего, это не единственная причина, по которой пришлось расстаться. В Ижевске потерял голову от юной влюбленной почитательницы. Разница в возрасте – 25 лет. Два года мучился. Все мысли – о ней. Ревновал. Потом опомнился: «Себя-то не могу прокормить. Зачем человеку жизнь ломать?» Сейчас философствует: «Женщинам очень трудно с художником. Он живет в своем собственном мире. Конечно, влюбленность вдохновляет. Хочется быть лучше для нее, даже в своих работах. Должен все время расти в ее глазах. Это возможно только на расстоянии. Рядом превратишься в заурядного мужика, думающего, как заработать деньги. Я живу за чертой бедности. В 1993 году мне сделали запись в трудовой книжке: «В связи с вступлением в Союз художников перешел на творческую работу». Вот и творю – выращиваю картошку и редьку. Недавно услышал поговорку: «Кто ест редьку, тот болеет редко». А у меня все время что-то болит, чаще всего – душа».

Душа болит, а руки делают. Помимо деревенских сюжетов создана серия иллюстраций к сказкам Пушкина. Мечтает Игорь сделать в станковой графике серии «Праздники на Руси» и «Детские игры». Близится к концу

серьезная работа над серией библейских сюжетов. Около 25 работ обращены к человеческой духовности, к святым притчам о Боге. «Жалею, что поздно столкнулся с Библией. Но надеюсь, что Господь Бог даст мне здоровья, чтобы пожить еще и послужить Богу и людям... А завтра поеду в деревню. Пора подсолнухи писать. А то отцветут...»

Михаил Афанасьев
(4 курс ФЖ, выпускник 2008 г.)

1.3.4. Политический портрет

Маргарет Тэтчер. Никогда и навсегда

Маргарет Тэтчер – женщина-прилагательное. Каких только эпитетов не толпилось около ее имени! Тэтчер называли «самой сильной женщиной Европы», «великим премьер-министром и великой женщиной», «ведьмой, которая может перевернуть все вверх дном», «тормозом для Европы», «самым сильным мужчиной в НАТО», «лучшим и единственным! мужчиной в британском кабинете», «железным мужчиной» и «железной леди». А в 80-е годы прозвучала даже такая фраза: «Великобритания обладает двумя сокровищами, одна из них нефть, другая – Маргарет Тэтчер».

В России начальника страны, пока тот при должности, превозносят. А после отставки – ненавидят.

С леди Тэтчер – с точностью до наоборот. Двенадцать лет, пока правила, беспрестанно говорили: «Эра Тэтчер кончилась». (Люди любят потанцевать на крышке гроба, причем задолго до того, как человек умер). И вот опять же двенадцать лет, как Маргарет Тэтчер не занимает никакой должности. А ее не забыли. Британия помнит, что именно эта женщина вернула страну в число великих держав.

А кого больше всех на свете помнит Маргарет Тэтчер? Своего отца. Неустанно повторяет: «Я почти всем обязана своему отцу».

Алфрид Робертс был сыном сапожника. В 20 лет перебрался в небольшой городок Грэнтам. Там Алфрид стал клерком магазина. И там же встретил будущую жену, портниху Беатрис Стевенсон. Алфрид бросил школу в 14 лет, Беатрис – в 12. После женитьбы купили бакалейную лавку и жили в квартире над ней. Здесь и родилась 25 октября 1925 года Маргарет.

Маргарет – папина дочка. В своих интервью и мемуарах почти не упоминает имени матери или старшей сестры, все только – отец, отец, отец («Мой отец был очень твердым и решительным человеком», «мой отец – самый активный читатель библиотеки, которого я когда-либо знала...»).

Но главное – заповеди. Их Маргарет усвоила от отца с детства. Они очень просты. И все начинаются со слова «НИКОГДА». Кодового слова для Тэтчер.

НИКОГДА за всю историю страны женщина не была лидером оппозиции Ее Величества. Первая женщина – премьер-министр не только за всю историю Европы. НИКОГДА и никто в стране не занимал этот пост три раза подряд, и за полтора столетия ни один британский политик не «рулил» страной так долго – почти двенадцать лет. (Даже Черчилль был у власти всего девять лет, и то с большим перерывом).

Из заповедей Алфрида Робертса я выбрала четыре. Произвольно, почти наугад. Но в этих заповедях – едва ли не вся жизнь «железной леди», в девичестве Маргарет Хилды Робертс.

Заповедь первая: «НИКОГДА не переставай работать. Нужно работать, чтобы заработать себе на жизнь».

Лавка отца была открыта с утра до ночи. Все нешкольное время Маргарет проводила за прилавком. Продавала конфеты и бисквиты. Развешивала масло и отпускала чай. Никаких развлечений. Ни мгновения свободного времени. Ни одного выходного. По воскресеньям – три раза в день церковь (семья была очень набожной) и чтение вслух домашним.

В семье копили. И Маргарет – тоже. Деньги, которые ей давали на школьные завтраки, сохраняла, чтобы положить в банк. И – НИКОГДА! – даже мысли не было купить себе игрушку или кофточку. Один из биографов напишет. «Не бедностью, а амбициозностью и стремлением к накопительству объясняются действия Тэтчер».

В первую же ночь, когда станет премьер-министром, Маргарет Тэтчер скажет: «Именно то, чему я научилась в маленьком городке, в очень скромном доме, помогло мне победить на этих выборах».

Премьер-министром Маргарет Тэтчер работала по двадцать часов в сутки. В шесть утра неизменно слушала новости Би-би-си. На завтрак – стакан сока и кофе. И – на работу.

Рабочий день часто длился до утра. Выходной – только в воскресенье. И то – иногда. Точнее – очень редко. В отпуске не была ни разу. На пасхальные каникулы 1984 года взяла с собой доклад о планах строительства третьего аэропорта в Лондоне – объемом три тысячи страниц. На Рождество 1986-го изучала доклад о строительстве атомной энергетики.

Признавалась, что, даже когда ест и спит, думает только о работе. Кстати, о еде. Ела быстро, иногда прямо из банок и пакетов. На официальных переговорах и светских раутах не ела и не пила вообще. (На нашем приеме на подносы с едой и вином леди Тэтчер даже не взглянула. Только чуть пригубила шампанское).

Дважды переживала серьезные операции (глаза и ноги), но уже через несколько дней была на работе. Проповедовала теорию «перманентной работы». Была уверена, что отдых нарушает ритм, расхолаживает.

На семейную жизнь уходило ровно столько времени, чтобы не забыть, что у нее есть семья. Платон говорил, что каждый человек должен заключать брак, полезный для государства. Помог ли ей брак стать счастливой? Не знаю. Стать премьер-министром помог.

В 1950 выходит замуж. Дэнис Тэтчер богат и умен. Его деньги – хороший стартовый капитал в политической карьере Маргарет. Но дальше – быстренько-быстренько, сама-сама...

...А транжирой так и не стала. Хотя одеться хорошо любит. На нашем приеме была в красивом красном платье (черные пуговицы и черный воротничок). Очень аккуратная прическа. Из украшений – только кольцо.

Кстати, о кольце. На нашем приеме Андрей Федотов из Якутии рассказывал леди Тэтчер о замечательных якутских алмазах. Она протянула ему свою руку: «У меня ваши камни?». Федотов смиренно и долго разглядывал перстень. И сказал: «У вас, видимо, все же южноафриканские». Она – скромно: «Наверное, вы правы. Да, похоже».

Тэтчер и пресса

Сэр Бернард Ингам все годы премьерства Маргарет был ее пресс-секретарем. Его называли вице-премьером, Распутиным и демоном 70-х годов.

Сэр Бернард – огромен, рыж и очень весел. О серьезном говорит смеясь. А о смешном – серьезно.

Мы познакомились семь лет назад. Опять же на семинарах Московской школы политических исследований.

«Прежде чем я согласился работать с леди Тэтчер, мы встретились. Всего на двадцать минут. Говорила она.

Строго и властно. В конце беседы сказала, что не понимает, в чем будет заключаться моя роль. Я не думаю, что через одиннадцать лет совместной работы леди Тэтчер поняла, чем же я занимался. Тем не менее она позволяла мне делать то, что я считал необходимым», - рассказал как-то сэр Бернард.

А однажды невинно признался: «Ничего плохого на посту пресс-секретаря я не делал. И государственных секретов всего-то без ее ведома рассекретил – ну каких-нибудь пять процентов. Если в своих отношениях с прессой я бывал слишком откровенен, заходил далеко – немедленно ставил в известность об этом премьер-министра. Я говорил: «Леди Тэтчер! Я сказал журналистам то-то и то-то... Надеюсь, это вас радует». Бывало, она после таких признаний скривится или уткнется взглядом в колени – ну что ж... Хотя чаще всего мой босс меня поддерживала».

И еще сэр Бернард с неподражаемым лицом любит повторять: «Не забывайте: нельзя иметь свободное общество без свободной прессы», - говорила Маргарет сквозь зубы». Именно так скрипела зубами, но терпела свободную прессу. Никогда не сводила счета со СМИ и не обижалась на свою жуткую куклу в очень злой юмористической передаче. Считала, что политики теряют лицо, если показывают, что их задевает, когда над ними смеются.

Во время нашего визита, когда Лена Немировская представила леди Тэтчер Александра Архангельского: «Это зам. главного редактора газеты «Известия», пишет редакционную колонку», она воскликнула: «Всегда поражалась: новостей нет, в мире ничего не происходит, а передовицы в газетах – каждый день». А одного из нас переспросила: «Вы спичрайтер? Пишете для председателя банка?» Сделала шаг назад, посмотрела торжествующе и

гордо выдала: «А я, когда была премьер-министром, писала себе речи сама. У меня никогда не было своего спичрайтера».

Заповедь вторая: «НИКОГДА нельзя выходить из себя. Особенно на людях».

Когда Маргарет Тэтчер была министром образования, газета «Сан» назвала ее «самой непопулярной женщиной Британии». И вот почему.

Министерству образования уменьшили ассигнования. И леди Тэтчер увеличила на 1/3 стоимость школьных завтраков и ввела плату за молоко, которое раньше детям выдавалось бесплатно. Что сэкономило сумму в 8 млн. фунтов стерлингов. Но вызвало бурю в стране. Пресса окрестила Маргарет Тэтчер «похитительницей молока». Родители писали об ее жестокости. Лейбористы называли реакционеркой.

Когда травля на «похитительницу молока» была в разгаре, Маргарет на людях еще как-то держалась. Но дома... Плакала, рыдала, билась в истерику. И однажды так напугала мужа, что тот, опасаясь за здоровье жены, потребовал даже, чтобы она вообще оставила политику. Однако леди Тэтчер с ситуацией справилась (Папа сказал бы: молодец, дочка!).

С тех пор опасность – ее стихия. Как бы ни было трудно, на людях – всегда! – гордое веселое лицо и прямая спина. Как-то сказала: «Никогда не буду оплакивать свою судьбу публично». И – не оплакивала. НИКОГДА.

Только однажды, когда ее уж очень сильно достали обвинениями в жестокости и неприветливости, позволила себе огрызнуться: «Я полагаю, что люди понимают разницу между сдержанностью и бесчувственностью. Бесчувственные не могут иметь успеха в политике, потому что цель политики, как я ее понимаю, - надо помогать людям жить лучше».

Абсолютно бесстрашна. Смело встречалась, с кем хотела, на улицах, в магазинах, на фабриках, хотя в списках на уничтожение Ирландской республиканской армии ее имя стояло на одном из первых мест.

1986 год. Летит с официальным визитом в Норвегию. Только поднялись в воздух, ей докладывают: «В самолете – бомба. Что будем делать?» Премьер-министр – хладнокровно, спокойно и невозмутимо: «Будем продолжать полет». Тревога оказалась ложной. Но леди Тэтчер, когда отдавала приказ, об этом не знала.

Кстати, о Северной Ирландии. Несколько раз из-за взрывов, организованных ирландскими республиканцами, леди Тэтчер чуть не погибла. Просто чудом осталась жива. Но приказ бомбить Дублин не отдала. А о первой чеченской войне сказала: «Эта война – трагедия. Гибнет столько невинных людей. Армию можно использовать только в борьбе с внешним врагом. С помощью бомб вы только учите ненавидеть вас и еще больше сопротивляться».

Тэтчер и Горбачев

Великобритания была первой некоммунистической страной, которую посетил Горбачев по приглашению леди Тэтчер. Она его выбрала, лично отметила. После первой же встречи (когда Горбачев еще был просто секретарем ЦК КПСС по сельскому хозяйству, не первым, не вторым и даже не третьим человеком в советском государстве) Маргарет Тэтчер сказала Рональду Рейгану и другим западным лидерам: «С ним можно иметь дело. Мы ладили».

12 марта 1985 года примчалась на похороны Черненко. Была возбуждена. С Горбачевым проговорила целый час (по протоколу это очень много). И далее все их личные встречи длились по два, три, четыре, восемь часов подряд. Как-то призналась: «НИКОГДА и ни с кем я не имела такие долгие

беседы». При том, что была очень скупа на похвалу, говорила о Горбачеве: «Он сильная личность, себя я тоже отношу к сильным натурам».

Июль 1990 года. Накануне ее официального визита в Москву Би-би-си задает вопрос: «Не кажется ли вам, что «горбамания» в западной прессе зашла слишком далеко?» Она – очень резко: «Мне не нравится этот термин – «горбамания». Он абсолютно мне не нравится. Я считаю, что президент Горбачев – выдающийся президент и выдающийся человек... Я считаю, что похвалы полностью обоснованны».

О Гельмуте Коле, к примеру, говорила: «Он – болтун. Любит пустые фразы». О Жискаре д'Эстене: «Он рассматривал политику как вид спорта, которым нужно заниматься на благо народа, но без его участия». О Джулио Андреотти: «Он испытывает огромное отвращение к принципам». Рейгана любила, но очень им командовала.

А Горбачев – просто нравился... Или не просто.

Заповедь третья: «НИКОГДА не говорить о своих провалах и неудачах. Они могут быть. Но говорить о них вслух нельзя».

Оппозиция часто обвиняла Маргарет Тэтчер в «гипертрофированном желании подчеркивать свою правоту». Она это не отрицала. «Папина дочка» пошла даже дальше заветов отца. Тот просто наказывал не говорить о своих неудачах. Маргарет же до тех пор не признавала своих провалов, пока они – сдавшись! – не превращались в успех или удачный опыт.

Так было с «тэтчеризмом». Опять же НИКОГДА новому экономическому направлению не присваивалось имя женщины. Что такое «тэтчеризм»? Демократия собственников. Сама леди Тэтчер объясняла: «Я желаю каждому стать капиталистом. Я хочу, чтобы у каждого

человека была собственность». И называла свою систему «народным капитализмом».

Она решила навсегда увести страну «от дрейфа к социализму», создать «государство собственников». И делала это с обычным фанатическим упорством. Это были не просто экономические принципы. Она хотела «изменить душу народа». За этот фанатизм ее даже называли сталинисткой.

Биограф писал: «Леди Тэтчер не способна к скептицизму. По ее мнению, политика может быть правильной или неправильной». Естественно свою политику она считала исключительно правильной. И была уверена, что признание ошибок ослабит ее имидж «железной леди», даст британцам основание сомневаться в силе и правоте ее политики.

Первые годы правления леди Тэтчер были ужасающими. И для нее, и для страны. В 1980 году плата за лекарства увеличилась вдвое, до 1983-го – в шесть раз. Росла безработица. И как! При лейбористах в стране было чуть более миллиона безработных. При Маргарет Тэтчер – сразу же! – цифра приблизилась к трем миллионам. «Безработица – одна из величайших неразрешимых загадок нашего времени», - говорила леди Тэтчер. Ее обвиняли в том, что миллионы англичан не имеют работы. Но у нее была другая арифметика. «Да, один из восьми англичан – безработный, это очень много, но семь из восьми – работают», - настаивала на несравненной своей правоте премьер-министра. И нация не роптала.

Она могла быть упрямой, жесткой, агрессивной и даже грубой. И была уверена, что имеет на это право. И с Колем, и с Жискаром д'Эстеном разговаривала в манере «школьной наставницы».

Коля безумно раздражало, что каждое заседание Сообщества превращалось леди Тэтчер в торг, который длился до тех пор, пока она не добивалась своего. Газеты

писали: «Тэтчер и Коль ведут свою холодную войну» (А что для Маргарет Тэтчер война? Лишь предвкушение победы!)

Отношение к коллегам доходило до полной бесцеремонности. Говорили о «ноже в сумочке премьера». Этим «ножом» она расправлялась со всеми из своей администрации, кого не могла назвать «одним из нас». Нелояльности не прощала НИ-КОГ-ДА.

За двенадцать лет правления рассталась со всеми своими (двадцатью двумя) министрами. Приглашала к себе и говорила, прямо глядя в глаза: «Я хотела бы видеть на вашем месте другого». Всего перетасовок в кабинете сделала аж 200.

Газета «Обсервер» писала: «Число жертв среди кабинета Тэтчер напоминает число жертв в пехотном батальоне времен Первой мировой войны. На людях она может, скорбно склонив голову, говорить, что из нее получился бы «плохой палач», но нож в сумочке премьера редко когда отдыхает». А леди Тэтчер это скромно комментировала: «У меня склонность рассматривать события более логично, чем у моих коллег».

Любила повторять: «Если вы хотите, чтобы что-то было сказано, попросите это сделать мужчину; если хотите, чтобы что-то было сделано, попросите об этом женщину». Или цитировала Софокла: «Когда женщина стала равной мужчине, она обрела превосходство над ним».

Но за годы правления в ее кабинете появилась всего одна женщина.

Тэтчер и экономика

При Черчилле британцы считались одной из самых богатых наций. А к концу 70-х годов все изменилось, и Великобритания по доходам на душу населения едва сумела войти в первую двадцатку – девятнадцатой.

Маргарет Тэтчер говорила, что тогда стоял вопрос не о том, есть ли будущее у Великобритании, а о том, поддается ли она вообще управлению. Леди Тэтчер решила «встряхнуть страну». Только за четыре года (1984-1988) число британцев, владеющих акциями, выросло более чем в три раза. (И это были действительно акции – не наши ваучеры!) Распродажа акций, кроме того, что повысила прибыль и снизила себестоимость продукции, еще и приобщила к философии собственности очень многих британцев. (Опять же то, чего не случилось с нами. В России, увы, по-прежнему считают, что стыдно не убивать, а торговать).

Инфляция уменьшилась в два-три раза. И более миллиона британцев стали домовладельцами, по призыву леди Тэтчер выкупили муниципальные дома, причем скидки доходили до 60% стоимости.

Маргарет Тэтчер удалось восстановить репутацию Британии в мире. Через экономику! А не через ядерную угрозу.

Заповедь четвертая: «НИКОГДА не следовать за толпой. Не бояться отличаться от толпы. Если необходимо, повести ее за собой».

Через год после того, как леди Тэтчер возглавила оппозицию, близкий друг и биограф спросил, что она успела переменить в стране за этот год. Она ответила: «Все». Апломб? Но и – правда.

Ни один британский премьер НИКОГДА не попадал в столько безвыходных – просто аховых ситуаций! – как Маргарет Тэтчер. Но она «вытягивала» любую опасность. Ей было подвластно все, что прежде оказывалось под силу только героям-мужчинам.

Война с профсоюзами была самая жестокая. Профсоюзы считали себя могущественнее правительства и злоупотребляли своей огромной властью. Премьер-

министр была уверена, что профсоюзы (вернее, их боссы) хотят разрушить всю систему свободного предпринимательства и заменить ее другой централизованной системой. И подчеркивала, что не только крупные, но и мелкие фирмы, от существования которых зависит Британия, разорятся из-за стачек.

Особое место в политической жизни Маргарет Тэтчер занимает стачка горняков 1984-1985 годов. В войне из-за Фолклендов премьер показала всему миру решительность и военную силу, а в борьбе с горняками – свое умение управлять страной в кризисной ситуации. Она не просто поставила вопрос: «Кто управляет Британией?», но и продемонстрировала, кто в доме хозяин.

Чапаев должен быть один

Правительство заблаговременно подготовилось к забастовке. Накопило запасы угля для электростанций, создало дополнительные емкости, которые позволили бы в случае необходимости увеличить импорт угля в Британию и т.д. Короче, после почти годовой борьбы забастовка пошла на убыль. Премьер-министр победила. Хребет профсоюзов был сломан.

Успех – полный. Хотя дался нелегко. В профсоюзах состояли 11 млн. британцев. И все они – или почти все – премьер-министра ненавидели.

Но Маргарет Тэтчер не дрогнула. Ей была чужда сама идея коллектива, толпы. Она отказывала любой толпе в праве правления. В том числе и европейской.

Европа занимала очень мало места в мыслях Маргарет Тэтчер. Она всегда была против объединения с Европой. Говорила: «Мы в Великобритании не для того успешно ограничивали функции государства, чтобы они были навязаны нам на европейском уровне». Централизация всей европейской власти в Брюсселе? Решения

принимаются в брюссельской штаб-квартире ЕЭС? А тэтчеризм и консерватизм английского типа растворятся в общеевропейском потоке? Она и так была уверена, что «Общий рынок» похищает британские деньги...

Леди Тэтчер не раз советовали стать «хорошим, добрым европейцем». Опросы общественного мнения в 1989 году показали, что трое из четырех британцев были сторонниками объединения Европы. «Большинство британских политиков считают себя инстинктивно «европейцами», леди Тэтчер – нет», - писал журнал «Экономист». Согласно опросу Гэллапа чуть ли не все финансисты и бизнесмены Великобритании поддерживали планы единой валюты в «Общем рынке». А леди Тэтчер сказала: «Пока я жива, евро в Великобритании не будет». И вот вам результат: Тэтчер, слава богу, жива, евро в Великобритании – нет.

Миттеран, Коль и другие европейские лидеры просто бесились: «Все страны идут в ногу, кроме одной Мэгги». А Мэгги никогда не ходила строем.

Тэтчеризм обзывали «джунглями» и «самолетом без пилота» и противопоставляли ему «пилотируемую Европу», в которой действуют четкие правила. Маргарет Тэтчер и вправду ненавидела правила. Она доказывала, что расширение интеграции уничтожит британские достижения. К черту правила, если они уничтожают лучшее!

На нашей встрече Ирина Бусыгина из МГИМО упоминает что-то об объединенной Европе. Леди Тэтчер: «Я – европейка? НИ-КОГ-ДА! Я – антиевропейка! Я всю жизнь с Европой боролась! Что хорошего мы видели от Европы? Она дала нам только национализм, фашизм и коммунизм».

Тэтчер и политики

Одного члена нашей делегации леди Тэтчер спросила: «Вы чем занимаетесь?» «Я политик». «А что еще умеете? Вот я, например, химик».

А узнав, что Валерий Сухих (председатель Пермской городской Думы) тоже по образованию химик, обрадовалась: «Знаете, когда я после Оксфорда работала в химлаборатории, мне было очень интересно наблюдать в микроскоп. Капаешь на стекло химикаты и смотришь, как зарождаются кристаллы. Они такие красивые и начинают расти, расти, расти...».

Леди увлеклась, Тэтчер развела руки в стороны, чтобы показать, как разрастались кристаллы. И, на минуту задумавшись, сказала, усмехаясь: «А потом я эту схему перенесла на парламент».

Вместо послесловия

Итак, на нашу встречу в Эрмитажных комнатах Сомерсет-Хауса пришли британские политики самого высокого ранга.

Перед огромной толпой посреди зала стоит маленькая женщина. 77 лет. (Возраст не скрывает). Никакой должности. 12 лет «пенсионерской жизни». Сильно болеет. Уже редко появляется на публике. Но – красное платье, туфли на шпильке, прямая спина, внимательный взгляд ярко-голубых глаз, бокал шампанского в руке. Абсолютная твердость. И – немыслимая точность даже полужеста.

Говорит речь. В оглушительной тишине. Какой-то материализованной. Нечеловеческой. Наверно, в такой тишине говорил Сталин. Но то была тишина – через страх. А эта – через что?

Потом я обнаружила: леди Тэтчер и молчать умеет так, что все смотрят на нее, а не на говорящего.

Нет, Маргарет Тэтчер – не просто человек власти. Она – человек непререкаемой власти. И власть вытекает не из занимаемой должности. А – из таланта. Чем больше таланта – тем больше власти. Талант делает человека личностью. А политиком делает человека ответственность перед своим талантом.

Такие люди, как Маргарет Тэтчер, бездонно ответственны перед своим талантом. На весь XX век их было, может, двое или трое... Уинстон Черчилль, конечно. Маргарет Тэтчер. Ну и от себя назовите – кого хотите...

Черчилля она боготворила. В юности видела живьем. Слушала речи. Герой-кумир – на всю жизнь. Как и отец. Алфريد Робертс и Уинстон Черчилль – самые главные мужчины Маргарет Тэтчер.

Кстати, она НИКОГДА не мерилась славой с Черчиллем. От зависти спасает восхищение. Восхищение Черчиллем помогло Тэтчер стать тем, кем она стала.

«Коллективное бессознательное» победить нельзя. И хотя леди Тэтчер говорила: «Я НИКОГДА не устану быть премьер-министром», - ей пришлось уйти в отставку. Но где теперь те, кто вынудил ее это сделать? Может быть, кто-то в этой толпе стоит – боясь шелохнуться! – посреди огромной залы и оглушительной тишины?!

Все коллективные победы – пирровы. Чтобы быть услышанным, нельзя петь хором. Только единственные голоса слышны. Только солисты внушают доверие.

А на что великий политик больше просто хорошего? На всю свою величину. На чудо.

P.S. В девять лет Маргарет Хилда Робертс выиграла городской конкурс по чтению стихов. И когда директор школы, поздравляя, отметил, как ей посчастливилось, она сказала: «Нет, я это заслужила».

Я думаю, в девять лет Мэгги уже стала «железной леди». А до этого была просто железной?

*Зоя Ерошок
«Новая газета», 2002*

1.3.5. Портретная зарисовка

Дальняя родственница

Палец прильнул к кнопке звонка. Звонок не звенел. В голове промелькнуло: «А узнает ли?» Секунд через десять дверь приоткрылась. В узкую щель, ограниченную цепочкой, смотрело левое стёклышко очков. Я улыбнулась в темноту. Дверь мгновенно захлопнулась, послышался лязг металла. Затем она снова открыла мне. Безымянным и средним пальцами она указала на свои глаза, потом на меня; пожала плечами. «Точно не узнала!» - подумала я. В голове возникло несколько причин непризнания. «Сама виновата! Чаше надо приходиться!» - начала укорять я себя.

Для меня она просто тётя Люда. Женщина лет шестидесяти пяти, невысокого роста с коротко стриженными волосами, собранными заколочкой. Она обладала скорее отталкивающей, чем привлекательной внешностью, хотя для меня это не играло особой роли. Я и не знала о её существовании, пока во время поступления в университет не столкнулась с «жилищной проблемой». Дальнюю родственницу мне описывали чуть ли не самым ужаснейшим по характеру человеком. Всё оказалось намного проще, в её квартире я чувствовала себя полностью свободной. Основной частью свободы было то, что я могла вслух разговаривать сама с собой, петь песни во весь голос, громко читать стихи любимых поэтов, зная, что я никого не потревожу.

После признания меня «Ратаритари» (так в её произношении выходило имя Саша), мы прошли в

комнату. Те же голубые шторы с жёлтыми и зелёными квадратами; то же покрывало вместо паласа на полу; тот же стульчик, на котором так любит сидеть Памсика (из её уст так звучит кличка кота Бамсика). Тётя Люда сразу же кинулась к столу. Видно было, что она очень взволнована. На деле это вылилось в беспричинную суету. Я объяснила, где живу, как учусь, потом спросила о её делах. Выяснила, что она рано ложится и рано встаёт. О своей нынешней жизни выражается так: «Я живу одна хорошо без беспокойства. Болею ещё не очень лучше. Ноги не очень лучше. Спать не плохо. Сердце не очень хорошо. Вяжу опять хочу кофту». Сколько кофт она уже начинала вязать, а потом жаловалась на нехватку освещения и бросала работу чаще почти завершенной.

В процессе общения мы пользовались всем, что уже давно было заготовлено тётей Людой для подобных случаев: разрезанные коробки от «Ортофена», «Анестезола», «Метилурацила» и других лекарств с ещё более мудрёными названиями; магазинная упаковочная бумага «старого образца», серая с мелкой стружкой; предвыборные агитационные листовки; использованные рецепты – в общем, всё то, что по внешним признакам было сродни бумаге. Порой она пыталась что-то объяснить мне на словах, но в те моменты я меньше всего понимала, чего она от меня хочет.

Поразительна способность этого человека читать настроения, эмоции, переживания, чувства по лицу, а может, даже по одним глазам. Да, я знаю, что глаза многое могут сказать, но ведь они говорят только о том, что тревожит человека в данный момент. А она, кажется, видит насквозь всё до последней думки. Скорее всего, те, кто умеет слушать, смотрят собеседнику в рот, а она вглядывается в жесты и мимику.

Тётя Люда позвала меня пить чай. Я прошла на кухню. В квартире напрочь отсутствовали признаки нашей цивилизации. Был, правда, телевизор, который просто невозможно было не заметить из-за его трещания. «Я рассказала Коля, что у меня телевизор сломался, и вызвала мастера. Коля сказал, что принесёт мне свой телевизор». Ей дико нравится сериал «Клон». А смотрит она в основном новости, передачи о животных и некоторые юмористические программы. Она не любит концерты и не видит смысла их смотреть.

Естественно не было и телефона, зато телефон лежал в моём кармане. Через какое-то время он стал издавать короткие сигналы. Конечно, он бы никак не помешал нашему общению, но я всё же решила ответить. «Это телефон?! Я слышала, но первый раз вижу так близко!»

Не имея почти ничего, пенсионерка жалеет своего сводного брата Николая, который младше её на семь лет. «Жалко Коля...». «Но почему? У него ведь всё есть: дом, семья!» «С детства без мамы...»

Почему-то мне запомнилась её фраза: «Жалею об одном, что детей у меня нет...» И сколько грусти чувствовалось в выражении её лица в тот момент. Ведь и муж был, только вот умер рано.

Вокруг меня «наворачивал круги» кот, поразительно звучно, я бы даже сказала вызывающе мяукая при этом. Думаю, он, большой белый с чёрными пятнами, стал для неё своего рода ребёнком. Я узнала, что совсем недавно она была в санатории, откуда привозила Бамсику котлеты. И ведь сама есть не будет, ему отдаст. А он, видимо, болеет, ест плохо: «Чуть принимает, больше не хочет; через рота кормлю, ему нравится, привык».

Я сидела в гостях уже довольно долго, когда услышала тихий повторяющийся звук. Как я вскоре поняла, это был

будильник. Он тщетно прозвонил положенные ему сорок минут, но никому не было до него дела, и он заглох.

Чайник давно уже кипел, и вода в нём ожесточённо бурлила. «Торт и конфет я не очень люблю. Тоже яблоки я не ем. Только люблю апельсины, бананы, помидоры». Не в первый раз она говорит о своих предпочтениях в еде, а я всё не могу запомнить и чисто механически покупаю коробку шоколадных конфет.

Она всегда заваривает чай в маленьком термосе, чтобы он подольше оставался тёплым. Ей вообще свойственна какая-то изобретательность. Она очень бережливая, а Бамсику это невдомёк. Так она привязала по обоим бокам спинки кресла доски, чтобы кот пользовался ими, подтачивая когти.

Мы пили чай с молоком. Вдруг звуки, с которыми мы всасывали жидкость внутрь, перебил порыв ветра, с треском распахнувший неплотно прикрытую балконную дверь. Снаружи послышался гул машин, автобусов, грузовиков. Улица под окнами не могла молчать.

Мне стало дурно от окружающих меня звуков. Голова трещала, и хотелось куда-нибудь сбежать. На душе сделалось беспокойно, а вскоре совсем тяжко. Подумать только! Такое обилие звуков! Действительно, между нами огромная разница потому, что я слышу, а она – нет...

P.S. Я очень долго собиралась к ней снова... Всю весну... И ведь чувствовала, что надо идти. Но собралась только, когда закончились летние экзамены и другие «важные» дела. Изучила все, что осталось с прошлой встречи. Впервые вспомнила, что она любит бананы. Собралась, зашла в ближайший магазин и купила целую связку этих желтых фруктов! Уже в автобусе поняла, что не помню ни номера дома, ни квартиры. Ну, ничего, пойду наугад! В подъезде передо мной поднималась женщина, оказалось, соседка. Я позвонила в дверь, подошла ближе к

глазку, не узнает ведь!.. Голос сзади: «Это вы сейчас здесь живете?» «А что она... (я не успела договорить, да и не знала, что сказать)». «Так ведь она умерла, с месяц уже. А вы кто?» «Дальняя родственница...».

...Не помню, как прошла нужную остановку... Мысли: «Я вот... бананов купила, а она... умерла...»

Александра Дорфман
(2 курс ФЖ, выпускница 2008 г.)

Неудавшееся интервью

Учусь я на журналиста. Мне дали задание: взять учебное интервью. Хорошее интервью пообещали напечатать. Я сразу подумала об Александре Петровиче, талантливом, известном учителе музыки, работающем по своей методике. Живем мы с ним в одном подъезде и давно дружим. В тот день я ждала его.

Александр Петрович, устало шаркая ногами, поднимался в свою квартиру на третьем этаже. На ходу он грыз семечки, шелуха от которых, сделав несколько витков, ложилась на ступеньки. В 65 лет Александр Петрович выглядел настоящей развалиной. Голова по-стариковски тряслась, на лице морщины свисали, точно складки на обвисших колготках, глаза подернулись полупрозрачной поволокой и постоянно слезились. Я по шагам узнала его и, перегнувшись через перила, поздоровалась с ним.

- Наденька, ты уже здесь? И давно ждешь? - приветливо откликнулся он со второго этажа.

- Вы сейчас из школы? - не отвечая на его вопрос, спросила я нарочито громко и торопливо, чтобы заглушить свое волнение.

- Да.

- Вы устали, наверное. Может быть, отложим встречу?

- Нет-нет. Во-первых, ты меня заинтриговала своим предложением встретиться, а, во-вторых, я думаю, что ты

ненадолго, - сказал он, приподняв брови и выразительно взглянув на меня.

- Сейчас я принесу тебе тапочки, - сказал он, войдя в квартиру. На меня пахло сладковатым запахом старости и дряхлости.

- Опять Рушанка куда-то их девала. Несносная девчонка, - слышалось его беззлобное ворчание из комнаты, - она к моему беспорядку добавляет свой собственный. Ты знакома с Рушаной?

- Да, она живет на первом этаже.

Тут что-то тяжелое упало мне на голову, а потом на пол. Это оказалась бухарская кошка. Она воспользовалась мной как ступенькой, чтобы спуститься с полки для головных уборов. Пройдя по коридору, она присоединилась к поискам тапочек и ходила за Александром Петровичем неотступно, задрвав хвост и медленно поводя его концом то в одну, то в другую сторону, как будто показывая направление, в котором надо двигаться, чтобы найти тапочки.

- А знаешь ли ты, Наденька, что Рушана очень способная девочка? - спросил он, заглядывая под комод и кровать. - Она может запомнить с одного раза целую нотную страницу любой сложности. Играет на пианино, флейте, на любом инструменте смогла бы, только покажи, в хоре поет. Такой способной ученицы у меня еще не было. Но она запущенный ребенок. За ней некому присмотреть, по школьным предметам она сильно отстает. Отцу наплевать, мать – по хозяйству плюс работа вне дома. Поэтому занимаюсь с Рушаной я. Всеми предметами, какие они проходят в школе, приходится заниматься. Но какая же она непоседа! Это ураган, смерч. Невнимательная спорщица...

- Александр Петрович, не надо тапочек, я так пройду...

- Ни шагу с места! У меня полы давно не мыты, носки натопчешь.

Тут кошка прыгнула на полку с книгами. Я проследила за ней взглядом и увидела тапочки. - Александр Петрович, это не они?

- Где?

- На полке с книгами.

- Точно, они! Это Рушана в отместку за то, что я не дал ей вчера жвачку. У нее очень тонкое зрение, как у орла или сокола. Если в доме есть вкусненькое, она тут же его находит, где бы оно ни было спрятано. Я уверен, она может видеть сквозь предметы.

Надев тапочки, я пошлепала в них по коридору мимо неаккуратных стопок с книгами и нотами. В комнате все было завалено книгами: и черное лакированное пианино, и письменный стол, и огромный, во всю стену, сервант. Казалось, что книгам было разрешено жить собственной жизнью: свободно «разгуливать» по дому, не стесняясь занимать понравившиеся места на полу, стульях, кровати и лежать плашмя вместо того, чтобы стоять ровными рядами на полках. «Распустил их Александр Петрович», - подумала я, усаживаясь на стул старого образца с высокой спинкой и клеенчатым сиденьем. Александр Петрович уселся на кровать и ожидающе глядел на меня.

- Александр Петрович, можно я о вас напишу? - спросила я после небольшой заминки и широко улыбнулась. Мой собеседник изменился в лице. Оно удлинилось от удивления, которое сменилось разочарованием.

- Ах вот ты зачем, - разочарованно протянул он и отклонился назад. - Нет, Наденька, нет. Я совершенно неподходящий объект. Ну, во-первых, я пессимист. А, во-вторых, я растрепа, я ничего не умею доводить до конца. Возьмись я собирать какой-нибудь механизм, у меня ничего не получится, у меня останутся лишние детали.

- Но все творческие люди равнодушны к быту и непрактичны.

- Да, - согласился он с удовольствием, которое показывало, что он частенько утешал себя подобной фразой... - И все-таки я не тот человек, который тебе нужен. Вот о ком действительно надо написать, так это о Павлике, моем бывшем ученике. Он ради любимого дела институт бросил...

- Ради любимого дела?

- Он ремонтирует телевизоры, собирает их из ничего. Правда, делает это медленно, занудно, зато, не в пример мне, до конца. И все, к чему бы ни коснулись его «золотые руки», работает.

- Александр Петрович, я знаю, о вас уже писали...

- Много раз, Наденька. Но это не повод для того, чтобы еще раз написать обо мне. Я не хочу, я недостойн. Есть много достойных людей, вот о них и пиши. У меня есть только одно положительное качество. Я люблю играть, импровизировать. Я люблю и умею сложное в музыке сделать понятным, скучное – интересным. Это мне помогает в работе. Но я ни одно дело не довожу до конца. Вот смотри: все верхние полки в этом шкафу забиты учебниками венгерского, испанского, итальянского, латышского языков. Но меня хватает только на полгода, а потом я нахожу отговорки, и все мое учение глохнет. Вот сейчас учу удмуртский язык. Не знаю, что из этого получится. Честно говоря, он дается мне с трудом. Там падежей только 15, с ума сойти можно...

- А зачем вам удмуртский?

- Хочу перевести сборник удмуртских песен. Чай пить будешь? Будешь! И тебе уже пора идти.

Кухня старого холостяка не навевала аппетита. Из одной литровой банки было выложено печенье, из другой – разлит чай.

Я сделала глоток и смутилась.

- У вас чай с травой?

- Да, как ты догадалась?

Я отхлебнула еще. Вгляделась в мутную глубину бокала, там плавало что-то бесформенное и слизкое. Я поняла: чай такой старый, что уже зацвел.

- Наденька, извини, больше потчевать нечем. Есть суп, - он пнул кастрюлю, стоявшую под столом, она звякнула в ответ, - но этому супу уже несколько недель.

Прощался он оживленно и чересчур сердечно, предвкушая избавление от неожиданного интервьюера. А через полминуты из его квартиры послышалась волшебная, торжественная музыка.

*Надежда Филинова
(1999, выпускница ФЖ 2005 г.)*

2. ЖИТЕЙСКАЯ ИСТОРИЯ

Назло нарожаю!

Возвращаемся из командировки на «Газели» – километра за два до Корочи видим: по обочине идет стайка ребятишек мал мала меньше. Позади женщина лет сорока ведет за руку совсем маленького мальчика.

Останавливаемся.

– Подвезти?

Ватага – семеро ребятишек разного возраста – забирается в машину.

– Откуда и куда такая дружная компания?

– Да мы тут неподалеку в селе живем. Вот собрались в город за покупками, – отвечает женщина.

– А ребятишек что, со всего села собрали?

– Да нет. Все мои!

– ?!

Женщина продолжала:

– Я местная. После школы выучилась на воспитателя. Вернулась. Вышла замуж за бывшего одноклассника.

Вскоре первенец родился – Миша. Тут эта перестройка началась, денег не стало, садик закрыли, колхоз развалился. Одним словом, тяжело зажили и, конечно, о пополнении семейства не думали.

Мише уже пятый год пошел, когда брошенную напротив нас хату купили переселенцы с Кавказа. Турки. У них двое мальчиков было того же возраста, что и мой сын. И стали они Мишу задирать: двое ведь! А тут, я вижу, моя новая соседка опять в положении. Нет, думаю, так не пойдет! Понаплодятся они, всех нас задолбают, не то что моего сына. Назло всем и вся нарожаю! Говорю мужу: «Давай-ка и мы подумаем о пополнении». А он: «Трудно ведь будет». – «Ничего. У наших предков всегда большие семьи были. Прокормим. Руки есть. Земля тоже – не даст пропасть».

С того и пошло. Соседка родит, я рожу. Причем у меня больше мальчишек: из восьмерых – пятеро. Миша уже в армии служит. Недавно в отпуске был: вырос, возмужал! А младшенькому Санечке всего четыре года. Земли у нас много, хозяйство, кроликов развели – живем не хуже других. Но, конечно, работаем. Даже Санечка коровку встречает с пастбища. Вот получили денежки за сданное молоко, идем обновы в город покупать.

– Так что, на Санечке остановитесь?

– Кто знает. Бог даст, еще ребенка рожу. Лишним не будет.

Ребятишки один за другим выпрыгнули из машины. Каждый сказал спасибо. Мать улыбнулась: «Доброй дороги вам!» Отыезжая, я обернулся. Пестрая стайка входила в магазин «Книги».

Валерий Черкесов
«Наш современник». 2004. № 7

Постой, паровоз...

Люблю ездить в поезде. Особенно в плацкарте. Потому что плацкартный вагон – это кладезь информации для журналиста. Здесь легко можно познакомиться с ярким человеком, послушать историю о том, как живет в какой-нибудь богом забытой деревушке, в конце концов, узнать истинное отношение народа к происходящим в стране событиям. Вот одна из встреч, произошедших в начале апреля в поезде «Ижевск - Янаул».

...Это был конец недели. Забитый до отказа поезд, нетерпеливо дожидаясь припозднившихся пассажиров. Пробираясь вглубь вагона, я с большим трудом отыскивала себе местечко в «боковушке», и, сев за столик, уже начала было наслаждаться видом из окна, как зычный мужской голос заставил обернуться.

- Может, опустим столик? Будет еще одно место.

Передо мной стоял высокий немолодой мужчина. Не дожидаясь ответа, он уже начал стягивать со своих богатырских плеч огромный рюкзак с торчащим спиннингом.

«И что этим рыбакам в такой холод дома не сидится?» - в сердцах подумала я, но все-таки вежливо подвинулась.

Первые полчаса поездки прошли в полной тишине. Незнакомые люди, собравшиеся в плацкарте, сверлили друг друга глазами в надежде, что кто-то заговорит первым.

Мое недовольство вторжением рыбака прошло, и я решилась с ним заговорить.

- Вы не знаете, лед на Каме уже тронулся? – поинтересовалась я (меня действительно интересовал вопрос, потому что который год я не могу застать это весеннее зрелище).

- На прошлой неделе ледохода точно не было, но сейчас – возможно.

- А вы что, каждую неделю на рыбалку ездите?

- Конечно! Знаете, какое это мощное успокоительное после трудовой недели.

- И какую рыбу вам удастся наловить на Каме?

- Вообще-то я там не рыбачу, - признался мужчина, - езжу в Карманово: там рыба вкуснее.

Преодолевать такое расстояние ради рыбы, пусть даже очень вкусной?! Мне показалось это весьма интересным, и я завалила Бориса Николаевича (так звали моего знакомого) кучей вопросов.

Он оказался отличным собеседником. Через некоторое время я уже была заражена романтикой рыбной ловли, знала, какие спиннинги нынче популярны, какая рыба разводится в Кармановском водохранилище, и даже узнала, насколько развито браконьерство у нас Башкортостане.

Только рыбалкой наша беседа не ограничилась. Рыбак оказался заядлым спортсменом и отличным знатоком литературы. Мне было настолько интересно общаться с этим человеком, что вопросы у меня сыпались как из рога изобилия. Борис Николаевич добросовестно на них отвечал, но вскоре, видимо, не выдержав, спросил: «Эльвира, вы случайно не журналист?». Пришлось сознаваться.

- А вы кем работаете? – простодушно задала я встречный вопрос.

- Заместителем прокурора Удмуртии, - так же просто ответил мой собеседник.

Ничего себе! От неожиданности у меня, кажется, даже рот открылся. Я отчаянно пыталась представить нашего районного прокурора, рассекающего на роскошной «Audi», в переполненном вагоне электрички. Мое воображение оказалось бессильным.

Тем временем поезд подъезжал к Камбарке. И я не могла не спросить заместителя прокурора о том, насколько безопасна деятельность недавно введенного в эксплуатацию завода по переработке люизита.

Мне сложно ответить, - сказал Борис Николаевич, - я не курирую этот вопрос. Но, судя по последнему сюжету, показанному по телевидению, там все под контролем. Ведь на заводе внедрены новые технологии, уникальные системы защиты, и...

- Да что вы тут рассказываете! – зазвенел рядом с нами возмущенный голос.

Молодой человек, до этого тихо сидевший напротив, начал судорожно собирать вещи. По всей видимости, он был жителем Камбарки.

- Знаете, как тут воровство процветает? Еще во время строительства завода все ценное оборудование было растащено! Сам видел, - от волнения он начал даже заикаться. – А что до телевидения? Вот девушка-журналист скажет вам, как у нас сюжеты снимаются!

И, не дав нам опомниться, молодой человек кинулся к выходу.

Пораженный столь краткой, эмоциональной речью, мой собеседник долго сидел, не зная, что ответить.

- Да... Накипело у парня... - только и промолвил он.

Мне, конечно же, было интересно узнать его отношение к высказываниям молодого человека, но Борис Николаевич замкнулся и всю оставшуюся дорогу угрюмо молчал. Подъезжая к Карманово, он мило распрощался и, сгорбившись под тяжестью рюкзака, быстро зашагал прочь. Поезд, набирая ход, двинулся дальше...

Эльвира Ибрагимова (выпускница ФЖ)

«Заочная правда»: приложение к газете «Журналист».

2006, 1 ноября

Урок

Я сдала все экзамены за четвертый курс, вот только курсовая...Я совсем запустила свою тему, прогуляла

летнюю практику и почему-то решила, что это сойдет мне с рук.

В сентябре я начала учиться, не чувствуя за собой «хвоста». Вдруг вызов в деканат.

- Надя, ты курсовую сдала?

- Нет...

- Мы отчислим тебя.

Из-за курсовой?! На пятом курсе?!

За ночь отмахала курсовик. Сдала.

- Это не курсовая, - жестко сказал Учитель. В лучшем случае – реферат для Дома пионеров. Восстанавливайся в следующем году.

Было очевидно: жалеть меня он не собирался.

«Я его просто ненавижу!..» - трясло меня. Мне вспомнился третий курс. Я с трудом понимала биологию, и это угнетало меня. И тут еще специализация. Я долго выбирала и, наконец, выбрала. Не предмет, а преподавателя. На кафедре физиологии человека он и сейчас занимается биоэнергетикой. На лекциях он говорил, что видит наши «ауры», «они похожи на радугу», что наши мысли свистят мимо его ушей. Но главное, он говорил: «Ищите свой путь» и «Не зарывайте таланты». Я думала, он мне поможет... И тут меня осенило: «Конец биологии». Я почувствовала сильнейший душевный подъем, и само собой пришло решение: не возвращаться на биофак, не посвящать себя нелюбимому делу. Это было похоже на сатори.

Надежда Филинова

(выпускница ФЖ)

«Профессия – журналист». 2000. № 11

Р. С. За эту миниатюру Н. Филинова стала победителем конкурса «100 слов об Учителе», объявленном журналом «Профессия – журналист» в 2000 году для студентов. Условия конкурса – рассказать о любимом преподавателе, профессоре, наставнике в журналистике так, чтобы это

было законченное произведение объемом не больше ста слов.

Пусть всегда будет мама...

Маленькая девочка лет 6 в клетчатом платьице дотягивалась до почтового ящика, подпрыгивала, но никак не могла достать до него. Она оглядывалась по сторонам, надеясь найти какую-нибудь подставку, но ничего не было.

– Тетенька, помогите мне, пожалуйста, я не достаю, – перебиваясь, обратилась она ко мне. – Я написала письмо своей маме, хотите прочитать.

И, не дождавшись ответа, протянула мне развернутый листок. С довольным личиком она смотрела на меня. Развернув листочек, я увидела рисунок: солнце и два маленьких человека.

– Это мы с мамой, – пояснила она, а чуть пониже корявыми буквами было написано: «Мама, я тебя люблю».

Девочка смотрела на меня доверительным взглядом, глаза ее были наполнены надеждой, ее пухлые щечки были похожи на два спелых яблочка, а когда она необыкновенно мило улыбнулась, на ее щеках появились ямочки.

– Моя мама скоро придет, и привезет мне большую куклу, и назову я ее Дашей.

– А тебя саму-то как зовут, крошечка?

– Я – Маша.

Мне было трогательно общаться с этим маленьким созданием. Ее настойчивость и оптимизм окрыляли меня. Но так хотелось сказать ей правду, что это письмо не дойдет до адресата, и что у нее нет мамы. Весь наш двор знал о трагедии, случившейся в этой семье: в пьяной драке муж убил молодую жену (мать этой девочки). Но, подумав, я решила, что не буду разбивать детские мечты. Поправив на ее русой голове огромный бант, я взяла ее за маленькую

ручку и сказала, что это письмо обязательно дойдет, и мама приедет с Дашей очень скоро.

Девочка несказанно обрадовалась, обняла меня своими тонюсенькими ручонками, а в глазах заискрился яркий лучик надежды. Еще раз улыбнулась своей милой улыбкой и закружилась от радости, ее клетчатое платьице развевалось по ветру. И весь мир расцвел для маленькой Маши, и она запела веселенькую песенку.

Пусть всегда будет солнце,

Пусть всегда будет небо.

Пусть всегда будет мама,

Пусть всегда буду я.

- Тетенька, огромное вам спасибо. Если мама приедет, я расскажу ей о вас.

Девочка, легко попрыгивая и запевая песенку, ушла. Я смотрела ей вслед и думала, правильно ли я поступила. Она уже исчезла за аллеей, а в голове кружилась песенка:

Пусть всегда будет мама,

Пусть всегда буду я.

Элеонора Тимирханова
(2 курс ФЖ, выпускница 2007 г.)

Папа

Он был высокий, плотный, очень уж светлый и без усов. И даже с лысиной. «Однозначно – это не мое!» - подумала я, но тут же осеклась: мне понравилась его рубашка. Белая, в полоску, с короткими рукавами, неброская, но в то же время очень аккуратная и нарядная. Мой папа такие никогда не носил. Он стоял возле старенькой зеленой «шестерки» и добродушно улыбался. Его улыбка мне тоже понравилась. У своего папы я видела только глаза. Они у него были «насыщенно-яркие», а губы были спрятаны под усами. А тут такая улыбка... И почему я уже два раза

сравнила этого незнакомого мужчину с папой?! И вдруг до меня дошло.

- Mam, a почему ты приехала на нашей машине?

Мама почему-то покраснела и не нашлась, что ответить. Наша «шестерка» целый год тихонько гнила в гараже, и никому до нее не было дела. А сейчас она выглядела вполне нормально. До меня вдруг еще раз дошло.

- Mam, a почему ты вообще приехала?

Я находилась в летнем лагере 18 дней. На последний, восемнадцатый день всех забрали папы-мамы, а я осталась одна на всей «территории». Уехали и вожатые. Но мне не было обидно по этому поводу, потому что я знала, что обязательно приедет какой-нибудь вечно опаздывающий водитель с маминой работы и заберет меня. И примерно через четыре часа я уже буду в объятиях мамы и родных. Это я знала...

Мама почему-то стала отводить меня в сторонку, подальше от улыбающегося мужчины. Наверное, чтобы поговорить. И мы начали с ней говорить, то есть говорила она, то есть даже не говорила, а непонятно что лепетала, как будто оправдывалась. Со слезами на глазах.

...Мой папа умер год назад, и я вроде еще была маленькая – 11 лет. Но я удивительно стойко перенесла это. Маме было тяжелее.

...В конце концов я услышала в том лепете, что он «очень хороший», но не совсем понимала, о чем идет речь. Тут я заметила на ее правом безымянном пальце не привычное тоненькое золотое обручальное колечко, а новое серебряное, с камушками... Мама поймала мой взгляд и сказала: «Мы только что его в Уфе купили...». Я все поняла...

И вот уже 7 лет, как мы вместе, но папой я назвала его совсем недавно.

Эльвира Насырова (2 курс ФЖ, выпускница 2008 г.)

Щенок

Месяца два назад видела щенка в автобусе. Он забежал на остановке. Сначала во всех, кто там был, ткнулся мордой. Потом, словно желая еще раз убедиться, снова ткнулся. А потом огляделся по сторонам... и так вдруг завыл отчаянно... И что-то в груди оборвалось. Наверное, он потерялся... Он теперь долго так будет. А потом перестанет, потому что привыкнет. Все мы со временем привыкаем...

Я не могла к нему повернуться. Не могла сесть на корточки и сказать ему что-нибудь. И все так. Все молчали. Все до одного. А он все звал. В голос. Он ждал, что тот, далекий, кого и вовсе не было в автобусе, услышит, придет... И почти человеческие слезы... И никакие тут не сравнятся человеческие слезы!

И тут мужчина какой-то: «Что разорался? Пшел вон!»

И я не выдержала. Пробравшись на заднюю площадку (проходя мимо мужчины, так на него посмотрела, что больше он ничего не сказал), одной рукой держась за поручень, присела рядом с ним: «Что, потерялся, бедняга? Ну не плачь, не плачь... Что ты?» - и так податливо легла его мягкая волнистая шерсть под холодную дрогнувшую ладонь... И глаза вот эти — и такая в них тоска, и ком подступил к горлу. И неважно уже было, что длинное пальто серой волной лежит на грязном автобусном полу, что все пассажиры как один заинтересованно и бесстыдно смотрят на эту неожиданную сцену... А я как заведенная твержу ему, чтобы он не плакал, и глотаю слезы, и глажу эту черно-белую шерсть, длинные печальные уши...и он смотрит на меня...черно-белое мое прошлое...давно забытая моя автобусная тоска, когда я вот так же, готовая — в каждый автобус...ну, что ты? Не плачь... не плачь...а они все бегут, бегут, чертовы...

- Девушка, конечная...

И все проходят мимо нас. Все обходят нас – как санитарную зону. И я знаю, каждый некогда так же искал – но никто уже не помнит об этом, не хочет помнить. Каждому – никто тогда не помог. Никому – никто сейчас не поможет.

Я знаю, да... Пойдем.

И мы оба выходим. После всех. И он бежит, семенит торопливо по дорожке, не оглядываясь. А я стою и думаю, что его теперь не надо звать. Его бессмысленно звать... Он теперь будет искать. Пока не найдет. Не найдет.

*Татьяна Альминская
(1 курс ФЖ, выпускница 2006 г.)*

3. ЭССЕ

3.1. Публицистическое эссе

Аня

В субботу, 7 октября, в подъезде своего дома была убита обозреватель «Новой газеты» Анна Политковская.

Она была красивой. Причем с годами становилась только красивее. Знаете почему? А просто свое лицо мы сначала получаем от Бога как заготовку, а потом делаем его сами. Тем, как живем.

Еще говорят: в зрелости на лице начинается проступать душа. Ее душа – красивая.

Она была женственной. Умела очаровательно смеяться удачной шутке и плакать от несправедливости. Но любую несправедливость – по отношению к кому бы то ни было – она воспринимала как личного врага. И боролась с ней до последней возможности.

Она была удивительно мужественной. Куда мужественнее многих и многих мачо в бронированных джипах, окруженных телохранителями.

Ей угрожали, ее пытались запугать, устраивая слежки и обыски. Ее арестовывали в Чечне «наши» десантники и угрожали расстрелом. Ее отравили, когда она летела в Беслан. Она выкарабкалась. И хотя здоровой после этого уже не была, сильнее всего у нее по-прежнему болела совесть.

Многие, даже доброжелатели «Новой газеты», порой говорили: «Ну, ваша Политковская – уж слишком...». Не слишком! Она всегда писала правду. Другое дело, что эта правда часто бывала столь ужасной, что сознание многих отказывалось ее воспринимать. И отсюда – как защитная реакция – это «уж слишком». Иногда – даже у нас в редакции.

Наверное, самое трудное для обычного человека – не отворачиваться от того, что страшно. Но если смотреть злу прямо в глаза, оно не выдерживает, пасует. Аня смотрела злу прямо в глаза. И, может быть, поэтому выходила победительницей из тяжелейших ситуаций. И, может быть, поэтому оставалась живой там, где опустивший глаза не выжил бы.

Для нас она и остается живой. Со смертью нашей Ани мы не смиримся никогда. И кто бы ни взял под свой контроль это зверское убийство – в центре Москвы, посреди бела дня, - мы сами будем искать убийц. Мы догадываемся, где они могут находиться...

Как там в России обстоят дела с независимыми СМИ? Этот вопрос обсуждается то в Европе, то в Америке. А в «Новой газете» за последние годы убито три ведущих журналиста.

Игорь Домников. Его убийцы – благодаря усилиям честных следователей и самой газеты – предстали перед судом.

Юрий Щекочихин. Даже родным власти отказали в законном праве ознакомиться с результатами вскрытия...

Но мы продолжаем свое расследование. И убийцы будут наказаны.

Сейчас – наша Аня Политковская... Они убили не только журналистку, правозащитницу и гражданина, они убили красивую женщину и маму.

Пока есть «Новая газета», ее убийцы не будут спать спокойно.

«Новая газета». 2006. № 77.

Р. С. Автор эссе-некролога – зам. редактора «Новой газеты» Олег Хлебников.

Я – грузин

Я отношусь к правительству и президенту так же, как они ко мне. Мне на них наплевать.

И на вверенное им население, средства массовой информации и особо ведущих телевизионных журналистов наплевать тоже. Им не бывает стыдно.

Великий русский писатель Виктор Астафьев публично назвал наше население «сукой» за беспамятство и безразличие. Это определение не относится к народу России. Оно не касается тех, кто помнит родство русской и грузинской культуры, веры. Кто не участвует в шовинистической истерике, не поддерживает мракобесия и безумия, за которые будет стыдно.

Более двух веков мы притирались друг к другу. Терпели друг друга, чтобы вырастить чувство, на которое посягнули временно управляющие Россией.

(О глупости грузинского руководства пусть пишут грузины).

Безумие в политике лавинообразно. Сегодня открыта охота на тех, кто носит грузинскую фамилию (взрослых и детей), завтра будете сжигать книги Думбадзе, Амирэджби, Галактиона Табидзе (а заодно с ними – стихи Пушкина и Лермонтова, Ахматовой, Пастернака,

Мандельштама, Ахмадулиной, писавших о Грузии и переводивших ее поэтов). Запретите музыку Канчели, спектакли Стуруа, смоете эмульсию с фильмов Данелии, Иоселиани, Хуциева, Калатозова, переименуете грузинские улицы в столице и сотрете память. О себе.

А Грузия будет жить. И мы, кто дружил и любил, будем дружить и любить. И поддерживать друг друга. В противостоянии людей России и ведомого слепыми поводырями населения проиграет последнее.

Не любящие, да не любимы будут. Никем.

Сегодня я, русский человек, - грузин. И горжусь этим.

Юрий Рост

«Новая газета». 2006. № 77.

3.2. Литературно-критическое эссе

Чехов

Вспоминается, что кончина Чехова произвела на многих впечатление семейной потери: до такой степени роднил он с собою, пленяя мягкой властью своего таланта. И тем не менее объяснить его, подвергнуть его страницы анализу очень трудно, потому что в своих рассказах, обнимающих все глубокое содержание жизни, он сплетал человеческие души из тончайших нитей и обвевал их почти неуловимым дыханием проникновенной элегии. Как один из его героев, живший в чудном саду, он был царь и повелитель нежных красок. Писатель оттенков, он замечал все малейшие трепетания сердца; ему был доступен самый аромат чужой души. Вот отчего нельзя, да и грешно разбирать по ниточкам легчайшую ткань его произведений: это разрушило бы ее и мы сдунули бы золотистую пыль с крылышек мотылька. Чехова меньше кого-либо расскажешь: его надо читать. И, читая, мы в дорогой и благородной простоте его строк впиваем в себя почти

каждое слово, потому что оно содержит в себе художественный штрих наблюдательности, необыкновенно смелое и поэтическое олицетворение природы или вещей, удивительную человеческую деталь.

Он тем более держит читателя в плену своего тонкого письма, что психологическая сила скорби, которой оно проникнуто, своеобразна и велика.

...Нет, ничто так не печалит нас среди веселий,

Как томный, сердцем повторенный звук.

Скорбь неотразима. Она всегда права. Когда радость придет к нам, можно ее не принять, и она исчезнет, вспугнутая горем, которое живет кругом и внутри каждого из нас. Но когда печаль, томная или тяжкая, постучится в наше сердце, оно непременно откроется для нее, и она обнимет нас и заговорит, и от ее прикосновения зарождаются слезы. Так именно подходит к сердцу Чехов: можно ли отказать ему в приеме? «Для ощущения счастья обыкновенно требуется столько времени, сколько его нужно, чтобы завести часы», – на чью душу не откинут тени эти слова и чья душа с ними не согласится?...

Для скорби Чехова характерно то, что сперва она звучала у него лишь робкою нотой задумчивой грусти и к ее преобладанию он пришел от яркого комизма, который, впрочем, никогда не покидал его и впоследствии. Чехов писал в «Осколках» и «Стрекозе». Он начал анекдотом и кончил тоской. Человек, который прежде так смеялся и так смешил, потом окутал жизнь траурной пеленой. < ... >

Уныние неприспособленных чеховских героев многие критики склонны объяснять характером русских восьмидесятых годов прошлого (XIX – В.П.) века. Но трудно этим истолкованием удовлетвориться, потому что Чехова и его тоску можно представить себе в любое время, в любую, хотя бы и самую героическую, эпоху. Недаром Глеб Успенский, судья очень компетентный, не хотел

признавать Иванова типичным восьмидесятником. Возможно и вероятно только то, что угнетенное общественное настроение, какое царило тогда в иных кругах интеллигенции, более или менее отразилось в душе и творчестве Чехова. Но было бы странно приписывать чеховской скорби только этот, случайный и временный, характер и отказывать ей в более глубокой, общепсихологической основе.

Нам кажется, что лишних людей Чехова и его самого в конечном основании удручал, безотносительно к особенностям русской жизни, закон вечного повторения, этот кошмар, который преследовал и Ницше. Все в мире уже было, и многое в мире, несмотря на истекшие века, осталось неизменным. Остались неизменными горе и неправда, и в спокойное зеркало вселенной как бы смотрится все та же тоскующая мировая и человеческая душа. Под глубоким слоем пепла лежали сожженные лавой древние Геркуланум и Помпеи, но под этой пеленою картина прежней жизни осталась такою же, как ее остановила, как ее захватила текучая лава. Так, и под слоем всех новшеств и новинок, какие приобрело себе человечество, Гамлет-Чехов видит все то же неисцелимое страдание, как оно было и в то «бесконечно-далекое, невообразимое время, когда Бог носился над хаосом».

Юлий Айхенвальд

Силуэты русских писателей. М., 1998.

3.3. Искусствоведческое эссе

«Учусь удерживать внимание долгих дум...»

Отпуск. Три недели. Море. Моря не почувствовала...

Может быть, из-за берега? Кипарис, слишком прямолинейно-аккуратный, чтоб признать его живым,

опустошенные виноградные кисти на мокрой гальке, как кисти чьих-то скрученных, старческих рук, и – карты: ленивая компания молодых, спиной к морю, на пляже.

Пустота – неизбежное зло досуга?

«В Юрзуфе жил я сиднем, купался в море и обедался виноградом; я тотчас привык к полуденной природе и наслаждался ею со всем равнодушием и беспечностью...»

Санаторий. На доме две таблички. Одна, белым по жести, информирует: здесь ванны, ингаляции и массаж. Другая, золотом по мрамору, извещает: в 1820 году в этом доме жил Пушкин.

«Сиднем», - по его собственному выражению...

А его первый биограф Анненков будет утверждать: подлинный Пушкин начинается с Крыма. И, не соглашаясь с категоричностью этого утверждения, позднейшие исследователи тем не менее сочтут, что Крым – один из важнейших перевалов на пути пушкинской музыки, что здесь весь его внутренний мир бурно тронулся в рост.

Можно ли чему-нибудь научиться у гения? Нам, простым смертным?

На двери дома – ручки, массивные, латунные, литые. Вдруг они оттуда, из 1820 года? И их касались его быстрые, легкие, маленькие и изящные руки?

«Национальная гордость», как учат в школе, - и ногти светского льва... Как в нем это сочеталось?

Во время ремонта, рассказывает массажистка Валя, старинные ручки – с трудом – отвинтили: «Поставим новые. Эти позеленели от старости». Валя нашла ручки, спустилась к морю и чистила их полдня песком. И настояла, чтоб прикрепили снова.

«Зелень» и «старость» - не соединяемые будто понятия. А ведь вот соединяются...

В этом доме, музейно-массажном, соединилось многое. Вырос на месте татарского поселения – первая европейская

постройка в Крыму! – по проекту греческого архитектора, по приказу француза Ришелье. (Да, того самого одесского дюка, а позже – министра при Бурбонах). Ришелье в нем жить не пришлось. А вот Пушкин в этом доме «из крылец, переходов с навесом вокруг дома, а внутри из одной галереи, занимающей все строение» - по описанию И.Муравьева-Апостола, - жил. Три недели. И назвал эти три недели «счастливейшими минутами жизни» – в письме к брату Льву от 24 сентября того же двадцатого года. В этом письме я снова нахожу слова «беспечная жизнь» - беспечная и потому счастливая?

Но Пушкин обманчив, как море. Как легко скользишь по Пушкину в школе! (Да только ли в школе...)

«Мой милый, я заходил к тебе, но ты спал. Стоило ли будить тебя из-за такой безделицы...» Прощальная записка Чаадаеву перед отъездом на юг.

Донос; агент тайной полиции на дому – добрый дядька Пушкина, к счастью, неподкупен, и за 50 рублей не дал рыться в бумагах; царское, гневное «В Сибирь!», вызов к Милорадовичу, генерал-губернатору; настойчивые хлопоты напуганных друзей и торопливые сборы... «Безделица»?

И «счастливейшие минуты» - не об отпуске, как сказали бы сейчас. О ссылке. О первых месяцах его первого изгнания.

Он и потом так будет: о самом печальном с улыбкой – неужели только поэтам доступное свойство...

У дома с двумя табличками, под сенью исполинского платана, на светлом мраморе светлого обелиска такой знакомый, легкий и точный, пушкинский автопортрет. И стихотворные строки:

*Как я завидовал волнам,
Бегущим бурной чередой
С любовью лечь к ее ногам!
Как я желал тогда с волнами*

Коснуться милых ног устами!

В Гурзуфе Пушкин жил у Раевских, и Марии Раевской посвящены эти строки – о первой встрече с морем, о чувстве, в своем роде в его жизни единственном... Он вспомнит Марию Раевскую, как только опять приедет на юг, через девять лет, уже посватавшись к Наталье Гончаровой и получив отказ. Откроет на Кавказе одну из своих тетрадей, и из-под его пера возникнет ее лицо. Не пятнадцатилетней девочки, какой она была в Гурзуфе, «идеале пушкинской черкешенки», по словам одесского друга В. Туманского. А женщины, скорбной и серьезной, какой увидел Пушкин Марию Волконскую перед ее отъездом в Сибирь: оставляла не только блестящий свет – маленького сына. Когда сын умрет, Пушкин напишет эпитафию. А когда отправится навстречу смерти сам, выйдет на дуэль – удивительное совпадение! – из дома, который был и ее, Раевской-Волконской, домом и откуда она уезжала в Сибирь.

Такая избилующая неожиданностями и тем не менее такая предопределенная жизнь...

В маленькой библиотеке санатория длинная-длинная очередь – у библиотекаря специальная тетрадь записи – за тоненькой книжечкой «Пушкин в Крыму» ялтинского учителя М. Выгона. А те, с картами, спиной к морю, - в этой тетради тоже?

Стихи на обелиске написаны не в Гурзуфе, позже. Первые гурзуфские стихи, которые потом назовут началом нового этапа его поэзии, стали концом его почти пятидесятилетнего молчания – случай, по свидетельству одного из исследователей, в творческой биографии поэта едва ли не единственный...

Вдохновение вернулось к нему ночью, на бриге, у берегов Гурзуфа. Пушкин бодрствовал, ходил по палубе, повторял строки:

Погасло дневное светило,

На море синее вечерний пал туман.

Не надо быть специалистом, чтоб почувствовать, что вторая строка – родная сестра строки из народной песни: «Уж как пал туман на сине море...» От няни? (У Марины Цветаевой читаю: «Не хотела бы быть ни Керн, ни Ризнич, ни даже Марией Раевской... Лучше – няней. Никому, никогда – с такой щемящей нежностью»).

Элегии «Погасло дневное светило» Пушкин предпослал имя Байрона.

В доме Раевских оказалась прекрасная старинная библиотека. Байрон был ежедневным чтением Пушкина. Еще А.Шенье и Вольтер. «Тотчас же отыскал сочинения Вольтера и начал их перечитывать» («перечитывать», а не читать – потому что он на одиннадцатом году уже знал наизусть французскую литературу...)

Байрон, Вольтер, Шенье – это только то, что зафиксировано в документах, весьма скудных, о Пушкине в Гурзуфе.

И это называется «жить сиднем»!..

Елена Раевская, серьезная и застенчивая, переводила в Гурзуфе Байрона, а потом рвала свои переводы, выбрасывала их в окно со второго этажа. Узнав об этом, Пушкин стал подбирать клочки... Старшая из сестер, Екатерина, ставшая потом тоже женой декабриста, глубокими вечерами, у раскрытого окна, показывала сестрам «свою звезду».

Все эти сиюминутные «клочки» бытия Пушкин подбирал и преображал в вечную поэзию.

«Ни одно чтение, ни один разговор, ни одна минута размышления не пропадала для него на целую жизнь», - заметил один из его современников. «Учусь удерживать внимание долгих дум», - написал Пушкин позже, в Кишиневе Чаадаеву...

Нельзя научиться писать гениальные стихи, да, конечно. Но этому-то – чтоб ни один «клочок» жизни не напрасно – неужели нельзя учиться?

Гурзуфскую «Элегию» восторженно приветствовали друзья. И все же один из самых близких, Вяземский, не удержался, попенял: «Мне жаль, что в этой элегии...дело о любви одной». Как часто многие, и даже самые будто бы близкие, корили Пушкина при жизни и стремились пригладить потом после смерти! Хотели, чтобы был он чинно-прямым кипарисом...

А у Пушкина, сказала Цветаева, - не «чувство меры», а «чувство моря».

Можно, наверное, не видеть моря – и не любить его, увидев? – а все же обладать этим чувством. В него входит, наверное, и непостижимо-поэтичная стихия моря, и привычно-прозаичная явь берега, и долгие думы о том, как соединить их, не примиряя, в одну неленивую жизнь...

Три недели. Отпуск. Каждое утро я спускаюсь к морю мимо шеренги кипарисов, выстроившихся у дома, где жил Пушкин. Какой из них его, Пушкина, кипарис? «В двух шагах от дома рос молодой кипарис, - вспоминал он позже. – Каждое утро я посещал его и к нему привязался – чувством, похожим на дружество».

Впрочем, не так уж важно, какой именно. Важно понять, как можно испытывать к дереву, и такому, такое чувство.

Одна на целый парк, который здесь называют Пушкинским, растет береза. В другом саду, в Ялте, спустя почти сто лет, сажал березу Чехов – среди вечнозеленых деревьев она одна роняла осенью листья. Он так тосковал по России...

При виде северной березы «сердце мое сжалось...» - скажет Пушкин. Только по ней, по березе, и я замечаю, что наступает осень...

Пушкин уезжал из Гурзуфа сентябрьским осенним днем. Позади оставались стихи, за которые он был сослан, поэма, за которую он получит портрет с признанием «Победителю ученику от побежденного учителя», «счастливейшие минуты жизни» в Гурзуфе, так много для него значившие. Впереди был «Евгений Онегин», рисунок на его полях – пятеро повешенных и приписка «И я бы мог...», новые изгнания и новые прозрения, другие осени и та, последняя зима: темные волосы на белом снегу у Черной речки.

Ему шел 22-й год.

Инна Руденко

Улица, по которой ты идешь каждый день. М., 1986

3.4. Историко-биографическое эссе

Великие

Прощаясь с Осло, я забежал в лавку купить что-либо на память, но не купил. «Карманные деньги» в пяти зеленых бумажках показались мне интереснее безделушек, предназначенных для туристов. Они лежат сейчас на столе рядом с норвежскими картами, фото пленкой, фигуркой викинга в шлеме (подарок друга), записными книжками, газетными вырезками, и я с любопытством разглядываю в увеличительное стекло лица на этих бумажках.

На одной – поэт Вергеланн, на другой – драматург Бьёрнсон, на третьей – драматург Ибсен, на четвертой – самой ходовой бумажке в пять крон – путешественник Нансен. Эти люди – гордость Норвегии. Но для всех, кем гордятся в этой стране, в ходящей по рукам «галерее» места, разумеется, не хватило. Композитор Григ, живописец Мунк, скульптор Вигеланн, путешественник Амундсен, наш современник Тур Хейердал...

Ни один народ талантами не обделен. Но то, что создано в Норвегии к концу XIX века, сразу было замечено и

признано миром. Энгельс писал: «Норвегия пережила такой подъем в области литературы, каким не может похвалиться за этот период ни одна страна, кроме России».

У нас великих норвежцев знают достаточно хорошо. Но стоит напомнить: один из них жил недавно, был другом нашей страны, и, возможно, есть люди, обязанные жизнью этому норвежцу. Имя ему Фритьоф Нансен.

Это был подлинно великий человек. И если бы кто-нибудь из начинающих жизненный путь попросил назвать человека для подражания, Фритьоф Нансен должен быть назван одним из первых.

О Нансене много написано. (Нелишне было бы кое-что издать заново специально для молодежи). Тут же уместно для привлечения внимания к книгам о Нансене упомянуть лишь отдельные характерные черты жизни, которой гордятся норвежцы и которой может гордиться все человечество.

Первым заметным шагом его биографии стал необычный поход на лыжах. Молодой Нансен решил пересечь Гренландию. Норвежцы всегда отличались страстью к рискованным странствиям. Но тут все были единодушны: это невыполнимо. Даже газеты, обычно падкие до сенсаций, на этот раз написали: «Было бы преступлением оказать поддержку самоубийце».

Нансен пересек Гренландию на лыжах. На это ему и его другу-спутнику Свердрупу понадобилось сорок два дня. Последующие его достижения в спорте показали, что этот успех не был счастливой случайностью. За свою жизнь Нансен двенадцать раз завоевывал титул чемпиона Норвегии по лыжам, был чемпионом мира в беге на коньках. Однако спорт сам по себе его привлекал постольку, поскольку «главное — иметь тренированное, выносливое тело для жизни и для работы».

Он был биологом. Докторская степень ему была присвоена за четыре дня до гренландского перехода. Целеустремленность и трудолюбие были у Нансена поразительные. Получив золотую медаль за одну из первых своих работ, он настоял, чтобы исполнили эту медаль из бронзы, а разницу в стоимости выдали ему деньгами. На эти деньги он напряженно несколько месяцев проработал на биостанции Средиземного моря. Его перу принадлежит много блестящих работ о жизни вод. Он был профессором-океанографом, был талантливым художником, был прекрасным организатором. И все это вместе объединял еще и талант исследователя-первопроходца.

Авторитет Нансена в этих делах был так велик, что правительство немедленно отозвалось на его просьбу построить корабль для плавания в Северном океане. Он сам наблюдал за строительством корабля. Настоял, чтобы он был деревянным. Его желанием было дать ему имя «Фрам», что по-норвежски значит «Вперед».

Умелые моряки разных профессий считали за честь предложить себя в спутники Нансену хотя бы в качестве кочегара или матроса.

Я видел «Фрам», стоящий сейчас на вечном приколе под музейной крышей, ходил по палубе, заглядывал в трюм, где все сохранилось в том виде, как было при знаменитых походах. Видел пожелтевшие фотографии торжественных проводов и ликующих встреч корабля. В первое плавание Нансен уходил уже национальным героем. После трех лет скитаний во льдах («Фрам» достиг тогда широт, где человек никогда еще не бывал) и после трех лет безвестности (радио не было) слава его стала всемирной.

Ромен Роллан, понимавший толк в людях, назвал Нансена «европейским героем нашего времени». Чехов, столь же высоко ценивший Пржевальского, преклонявшийся перед мужеством путешественников-

первопроходцев, глубоко симпатизировал личности благородного норвежца. Нансен для Чехова был воплощением его идеала: в человеке все должно быть прекрасно – лицо, одежда, поступки. Чехов решил даже написать пьесу о «людях во льдах». Для «вхождения в материал» был разработан план поездки в Норвегию. Найдены были спутники-переводчики, назначены сроки поездки – осень 1904 года. Но болезнь рассудила иначе. Лето унесло Чехова.

Нансену в это время было сорок три года. Он прожил еще двадцать семь лет. И это не были годы почивания на лаврах. Неустанный труд, участие в подготовке новых экспедиций «Фрама» (Нансен благородно уступил возможность бороться за достижение Южного полюса Амундсену), поход по Ледовитому океану в устье нашего Енисея...

Норвежцы предложили Нансену стать королем. Он отказался полушутя-полусерьезно: «Я атеист. А король, по конституции, должен быть человеком верующим».

В нашей стране Нансен был несколько раз по делам путешествий. «Я полюбил эту огромную страну... с ее обширными равнинами, горами и долинами». Сибири он предсказал великое будущее и в 1914 году считал, что это будущее недалеко.

А в 1921 году, во время страшного голода после засухи и разрухи, Нансен приехал в Поволжье, чтобы увидеть, как и чем помочь голодающим. Его именем, энергией, благородством и бескорыстием был освящен хлеб, купленный на жертвенные деньги. Сам он, ни минуты не колеблясь, потратил на помощь голодающим волжанам полученную в 1922 году Нобелевскую премию мира – сто двадцать две тысячи крон золотом.

Любопытно, что соратником Нансена в благородной помощи России в трудное время был Отто Свердруп, тот самый, с которым Нансен пересек на лыжах Гренландию...

Таким был норвежец, воплотивший в себе все лучшее, что есть у народа его страны, считавший главным своим назначением в жизни сближать народы уважением друг к другу. На родине есть ему памятники. Я думаю, и на Волге памятник Нансену был бы очень уместен.

*Василий Песков
Странствия. М., 1991.*

3.5. Эссе-воспоминание

Там, где цветут каштаны

Там, где цветут каштаны, прошло мое детство. Сознательно помнить себя и все, что со мной происходит, я начала в возрасте четырех лет. И по какой-то странной иронии судьбы это был последний год, когда мои родители жили на Украине – нашей с мамой родине. Тут необходимо заметить, что мой единокровный народ очень не любит эту конструкцию – «на Украине» - оттого, что появилась она в советское время, и, исходя из логики некоего партийного деятеля «Х», обозначила собой окраину новой великой державы. А кому же хочется быть окраиной? Поэтому сегодня, когда Украина уже стала самостоятельным государством, следует говорить «в Украине». Легко, не правда ли? Также просто, как и «в России». Но я заметила, что все, кто еще в прекрасное советское время дружбы народов (да простят меня за этот эпитет те народы, с которыми в 1930-е, 40-е, 50-е годы наши вожди дружить не захотели) имел к Украине какое-либо отношение, не говоря уже о тех, кто там родился, никак не могут приучить себя заменить предлог «на» на предлог «в». И дело здесь совсем не в привычке, просто нам всем до сих пор не верится, что щедрая и ласковая земля, где в начале мая так пышно цветут каштаны, уже не часть той страны, где мы теперь живем.

А когда мне исполнилось пять, папа забрал нас к себе, в далекую Удмуртию. Была зима, и мама рассказывала, что по дороге домой она несколько раз заходила греться в чужие подъезды, так как не могла вытерпеть двадцатиградусный мороз. Но я морозов не помню – перепуганная мама одевала меня так тепло, что, наверное, в моем положении не замерз бы даже житель Мадагаскара. Я помню только, что в тот год увидела столько снега, сколько раньше не могла себе даже представить.

А пятый год моей детской жизни все-таки сыграл свою роковую роль. Американский писатель Уильям Фолкнер как-то сказал, что тоскуют люди не по родным местам, а по своим воспоминаниям о них. Если бы я начала помнить себя на год позже, возможно, образ родины в моем сознании выглядел бы совсем иначе...

Воспоминания обо всем, что осталось на Украине, до сих пор вызывают в моей душе какое-то непонятное смутение. А там осталось многое.

Там остались необычайно темные, пригвожденные к небу звездами, ночи. С тех пор я не однажды была на Украине, но и сейчас не могу понять, отчего ночью там такое темное и безоблачное небо, на котором так безумно ярко выделяются звезды. Это просто идеальное место для загадывания желаний! Падающие звезды украинской ночью можно видеть почти каждый час. Но на небе их так много, что огромному своду не страшен никакой звездопад. Я помню, как мама учила меня находить над головой самые разные созвездия. Прямо у нас над окнами висела «Кассиопея» - огромной «W» она навсегда врезалась в мою память. И с тех пор, когда мне становится грустно, я непременно пытаюсь разыскать на небе «Кассиопею», но здесь, в Предуралье, она почему-то намного меньше и тусклее, чем на Украине. «Кассиопея» тоже осталась там.

Там остался чудный, прогорклый запах угля. Мы жили в районе одной из многочисленных шахт Донбасса, и с детства этот запах буквально сросся со мной. Шахты олицетворялись для меня с какой-то великой, необъятной, почти сказочной силой. Там, где кончалась наша улица, возвышался огромный терикон – искусственная гора, образованная переработанной и извлеченной из шахты породой. А на самой шахте больше всего меня привлекала вышка с массивным диском и придаточными ремнями, предназначенными для подъема уз шахты вагонеток с углем и рабочих. Целый год я ежедневно ходила через шахту, мечтая увидеть, как движется диск с ремнями, но так и не увидела. Этот диск тоже остался там.

Осталось там и море желтых подсолнухов, в два раза превышающих человеческий рост. Когда мы ездили на электричке из Донецка в Мариуполь, где и сегодня живут мои двоюродные брат и сестра, глаза буквально резал пронзительный бесконечный желтый цвет подсолнечных полей.

Там остались и голуби, самые разные: белые, черные, цвета кофе с молоком, с веерообразными хвостами и крошечными доверчивыми глазками. Почти в каждом дворе на Украине есть своя голубятня, за обитателями которой ухаживают все жильцы дома. И голуби там запросто даются человеку в руки. Я и сегодня, когда приезжаю в свой прежний двор, не забываю проведать уже детей и внуков тех голубей, которые садились мне на руку в детстве.

Нет, пожалуй, и «Кассиопея», и запах угля, и желтое море подсолнухов остались там не полностью – одна крошечная их частица белым ручным голубем навсегда поселилась в моей комнате. А там, где цветут каштаны, осталось мое сердце.

*Ольга Крылова
(4 курс ФЖ, выпускница 2004 г.)*

Война и Мы...

Статистики подсчитали, что человечество и дня не прожило без войны. Такого рода подсчет возможно сделать и любому из нас. Стоит только открыть любой из учебников по истории: войны, войны, войны... Свежа в памяти наших людей и «восьмидневная» война с Грузией. К счастью, я не видел этой войны, но дыхание ее меня задело.

В день начала олимпийских игр войны прекращались, ...а Они ее начали. Я же стечением обстоятельств оказался в это время в пути, на железной дороге, рейс Ижевск – Адлер. Работал проводником. Для многих известие о начале войны стало страшным и неожиданным известием, нас же оно настигло обрывками фраз, обрывками новостей; не было достоверной и полной информации. И от этой нехватки становилось еще страшней. Но было одно, что говорило громче всяких новостей и фраз. Это были эшелоны военной техники: БТРы, БМП, танки. Порой, когда мы делали остановки в пути, можно было открыть дверь, и один из этих составов оказывался практически на расстоянии вытянутой руки. И эти составы гнали днем и ночью. И от этого всего приходило понимание того, что творится что-то ужасное. Но то техника... Гораздо большей было видеть солдат, которые вслед за техникой отправлялись на войну. Наша доблестная победоносная армия предоставила НАШИМ ребятам товарные вагоны, в которых их перевозили по сорок, пятьдесят человек. Все это живо напомнило фильмы о Великой Отечественной войне, такие же обшарпанные вагоны и такие же глаза ребят. Глаза молодых юнцов, глаза ветеранов, волосы которых были обелены ранней сединой. Эти глаза до сих пор мне снятся. И от того чувства, что некоторые из этих ребят не вернулись, в сердце появляется щемящая боль...

Стоит помнить, что только Мы повинны в том, что существует война, и мы не вправе забывать о тех, кого она унесла. Помнить не одеванием свастики или судами над больными ветеранами и переносами памятников... МЫ должны ПОМНИТЬ.

*Фидель Никитин
(2 курс ФЖ, 2009 г.)*

4. ФЕЛЬЕТОН

Тузовка

Фиксаторов бытия из нашей примодненной периодики никак не вдохновляет обыкновенный люд. Невыгоден он в смысле доступности: по ночам чаще спит, игнорируя ночные клубы, не посещает халявные презентации и богемные междусобойчики, то есть места, где любит побаловаться «Мартини» и пошлифовать ягнячьи ребрышки нынешний хроникер.

Иное дело – знаменитости. К примеру, в моей голове напрочь засели подмышки Жанны Агузаровой, в свое время с готовностью продемонстрированные фотокору «Московского комсомольца». Подмышки самые бесхитростные, хотя и аккуратно выбритые, но загадочная дива нашла способ привлечь к ним внимание широкой общественности. Подпись под снимком гласила, что в ближайшем будущем укромные уголки Жанны закустятся в угоду ее новому любовнику, которого именно эта кустистость и будоражит.

Впрочем, созрей данная затея по выгонке растительности у малоизвестной девицы, вряд ли ее потащили бы под софиты. У звезды же ловим каждый чих. Тем более, когда задействован любовник с эксклюзивными вкусами. Думаю, пресса достойно отразила эволюцию агузаровских подмышечно-любовных отношений. Честно говоря, я

профукал, не уследил. Тем более что «МК-бульвар» вскоре затмил Жаннино откровение, поместив на обложке фото Леонида Агутина и Анжелики Варум с обнаженными животами. Причем Анжелика была на заметном месяце беременности. И читателям задавали интересный вопрос: «Кто же отец ребенка?».

Опять же, если по большому счету, ничем редкостным, выдающимся животы певческой парочки не отличались. Так, середняковая кондиция. В народе встречаются животы и поохватистее, подороднее, с нестандартными пупками. Боже мой, какие пупки прозябают в закоулках государства, не преданные огласке только потому, что нынешний пропуск на обложку, да и внутрь изданий – с подмышками, животами и прочими атрибутами – звездность!

Все, из чего состоит знаменитость, все, что ее окружает, что происходит с ней, взхлеб комментируется, выставляется напоказ. Вырезали аппендикс у солиста поп-группы – ажиотаж, будто запустили человека на Марс. Уперли в аэропорту чемодан футбольного кумира – бумагомаратели задыхаются от восторга. Выплыл откуда-то слух о незаконнорожденном дитятке именитого стилиста – у перьев готовность номер один. Поперхнулась косточкой собачка высокого кинодеятели – визгу (не у собачки, а у репортеров) на всю Европу!

Четвероногие друзья звезд сворами и поодиночке гоняют из рубрики в рубрику, накручивая рейтинг своим кормильцам. Но вне конкуренции – друзья колесные. Для VIP-авто известных личностей журнально-газетная площадка давно стала и гостеприимным паркингом, и автобаном. На многих железных конях можно составить досье: когда куплены, за какие бабки, который раз побывали в ДТП. Особая статья – угон: звезды рангом пониже удостаиваются микросообщений, для ярчайших светил пресса инициирует поисковую кампанию, поднимая

на ноги крупные милицейские силы, протокольно отслеживая все перипетии операции. Чаше машину не находят, но пострадавший не внакладе: кроме страховки он получает взрыв популярности. Одно плохо: творческие личности непредсказуемы. То, как сговорившись, всем бомондом напропалую флиртуют, меняют пассий, отбивают их друг у друга, заставляя редакции трудиться в напряженном ритме. То у них мертвый сезон, и прямо не знаешь, что бы такое в номер поставить.

Приходится довольствоваться нудной благопристойностью. Ну, Валерия мужа в отставку отправила, но как-то уж очень по-интеллигентному, нечитабельно. Ладно, тиснули в недавнем мартовском «МК-бульваре», чтобы все-таки отметить по теме. Или вот еще высосанный из пальца скандал. Газеты раструбили новость: Дмитрий Харатьян, слывущий в московской тусовке образцовым семьянином, появился на одной из светских вечеринок в обществе прекрасной леди. Дохлый сам по себе фактик, но на безрыбье пришлось его реаниматорам пера оживлять. Припомнили, что в свое время эту красотку выводил в общество ведущий ТВ, ныне запевший Дмитрий Дибров. Правда, сварганив интригу (Дмитрий у Дмитрия девушку украл), создатели этой дмитриады из «МК-бульвара» рассказали о ней с легким неодобрением, дав трехстрочное интервью с Дибровым, который назвал всю эту шумиху домыслом и полной ерундой.

И вновь весеннее оживление. Любимец публики А. засветился в новых аксессуарах, стоимость которых внимательные наблюдатели оценивают в 30 тысяч баксов. Приняв на грудь пару рюмок коллекционного коньяка, А. подошел к своей бывшей зазнобе Б., обнашивающей новую силиконовую грудь, и полюбопытствовал, каким презервативам отдает предпочтение ее нынешний избранник.

Госпожа С., прибывшая на банкет прямо с острова Маврикия побронзовевшей, хорошо вписалась в стены кабака, выложенные бургундским камнем.

Известная личность мужеского пола была замечена в соломенной шляпе с орхидеями, что породило толки и пересуды — не в «меньшевики» ли переориентировался.

Что и говорить, простому смертному интересно знать, сколько на даче суперзвезды унитазов, с каким соусом она предпочитает морепродукт и как провела время в казино. Но, любезные коллеги, ведь человеку из толпы и про себя хочется почитать: как ни крути, а унитазы и в жизни не узнаваемых на улице граждан занимают определенное место, и к морепродуктам они не испытывают отвращения, и рулетка их иногда будоражит.

Попробуйте, копните эксперимента ради в гуще народной. Вдруг и там, внизу, кое-кто уже дорос до коллизии с агузаровскими подмышками. Паричок, может, придумал для подмышек на случай смены любовника или еще что. Пора устранять перенос: светские новости о жуирующем бомонде давно уже взломали узкие рамки спецрубрик. Пресыщенная, живущая в свое удовольствие знаменитость становится главным объектом журналистского внимания.

Открываешь издание и чешешь в затылке: это что — средство не массовой, а элитной информации? Давайте в таком случае хотя бы переименуем СМИ в СЭИ, а звездные тусовки — в ТУЗОВКИ.

Эдуард Полянский
«Журналист». 2002. № 8

.

5. ПАМФЛЕТ

Как козел губернатором стал

В текущем политическом году России предстоит пережить 11 губернаторских выборов. Для страны это целое испытание и новые вызовы. Удастся ли Кремлю обновить региональную элиту? Кто из пришедших еще при Ельцине губернаторов останется на «воеводстве»? Как будут проходить выборы? И кто на них наварит? И что из этого может выйти? Вячеслав КОСТИКОВ предлагает свой, ироничный, взгляд на эту напасть.

«Мне, собственно, до народа... нет никакого дела. Дайте мне четверть часа поговорить без цензуры с народом, и он тотчас за мной пойдет». **Ф. М. Достоевский («Бесы»)**

Жил некогда в Москве Великий Технолог Глеб Петрович Верховенский. «Я хоть осла, хоть курицу в губернаторы проведу, лишь бы «бабки» были, - бывало, бахвалился он. - Только вот за последствия, pardon, не отвечаю», - осторожничал он.

А поскольку у нас в Отечестве что ни день, то губернские выборы, то опыт Глеба Петровича был в особой цене и принимали его в самых высоких палатах.

Поспорил как-то Глеб Петрович в Красной палате, что выведет в мэры **Фуфлаевска** самого обыкновенного российского козла. «Главное в нашем деле, - разъяснял свое кредо Глеб Петрович, - чтобы электорат почувствовал себя козлом. Тогда он и за козла проголосует».

В Красной палате в бахвальство не поверили, но денег на эксперимент дали.

И выехал Глеб Петрович со свитой в Фуфлаевск.

Первым делом взял он на полставки местного прокурора, купил газету **«Фуфлаевский герольд»**. Но главное – сразу же по приезде сжег в городе весь провиант, а в магазины велел завезти сена и браги. Понятно, что брагу (по

местному телеканалу ее рекламировали как «Фуфлаевское золотистое») раздавали бесплатно. А уж сено после выпивки народ жевал сам, благо что колбасы в окрестностях уже было не сыскать.

И что же вы думаете? Через неделю вся местная пресса писала, что в партийных списках движения **«Непобедимый козел»** уже числятся несколько тысяч человек. Через неделю движение перекинулось в соседние области, а несколько отделений открылось в графстве Йоркшир. Тут уж, видимо, не обошлось без Березовского.

Число козлов быстро росло. Через месяц Фуфлаевск был так загажен, что выйти на улицу было решительно невозможно. Активистам, работавшим со слоганом «От козла к козлу», раздали противогазы.

Меж тем вонь, распространяемая фуфлаевскими козлами, долетела и до столицы. «Глеб Петрович, конечно, - великий человек и первый в России политтехнолог, - говорили там, - но перед визитом Ширака неловко. Да и в Совете Европы фуфлаевские ароматы могут прийтись не по душе».

Надо было срочно спасти престиж Отечества.

В Фуфлаевск бросили, как водится, Шойгу с брендспойтами. С заявлением «О неpolitкорректности выдвижения козлов на высшие государственные посты» выступил А.Вишняков. Не осталась в стороне и прокуратура: намекнула на то, что Козел состоит в родственной связи с Абрамовичем и имеет недвижимость в Швейцарии. Но движение «Непобедимый козел» было уже не остановить. Оно овладело массами.

За день до выборов Великий Технолог собственной персоной появился в **фуфлаевской «Свободе слова»**. По этому случаю из Москвы был вызван Славик Штуцер и группа комиков из «Аншлага». Сам Глеб Петрович явился в простой русской косоворотке, в резиновых сапогах (на подступах к студии дерьма было по колено). Кудри

перевязаны тесемочкой, как у новгородского мастерового. Рядом с ним в окружении известных деятелей культуры стоял огромный бородатый Козел и весело тряс рогами.

- Козлы выбирают козлов и запивают «Клинским», - заявил, глядя в камеру, Великий Технолог, и студийная тусовка дружно заблеяла «л-любо, л-любо!».

- А теперь слово кандидату от народного движения «Непобедимый козел», - весело выкрикнул Славик Штуцер и загадочно улыбнулся.

Тут на подмостки выскочил сам Козел и стал отбивать копытами чечетку. Вдарили балалаечники. Бабенка из «Аншлага», тряся грудью, завопила:

*Полюбила я Козла,
Хочу ему отдаться.
Пусть везет меня в Москву,
Будем там целоваться.
Публика гоготала...*

А через несколько дней **фуфлаевский Губизбирком** объявил итоги выборов. Козел обставил пуделя из «Либерального Фуфлаевска» со счетом 85 к 3,2. Словом, полная виктория. Великому Технологу даже орден Козла 3-й степени хотели дать за внедрение передового опыта. Да вот беда.

Думали, что Козел себя патриотом выкажет, славу Отечества приумножит, губернских сирот дыханием согреет. Так нет же! Едва вступил он на воеводство, как все губернские деньги знакомым козлам раздал. А чтобы славу губернии умножить, все местные балалайки велел на импортные арфы поменять. Мало того: теперь грозит публичный дом и улицу Красных фонарей в губернской столице открыть, чтоб местные козы (как в Амстердаме) при деле были и пополняли бюджет...

Время в России хотя и течет неспешно, тем не менее года через три слухи о деяниях Козла-губернатора дошли до Москвы, а там и до **Главного Хомяка-Аудитора**.

Стал он к какому-то юбилею итоги губернских деяний подводить. Тут и выяснилось: один из губернаторов всех раков из губернских прудов за границу продал; другой вместо сиротского дома выстроил в заповедной роще Букингемский дворец для тещи и певчих кастратов в Англии закупил для услаждения слуха; третий хотел железную дорогу украсть; четвертый угодил в кутузку за мордобой и пьянство; а еще один, говорят, приказал всем губернским пчелам мед в один улей нести...

Верно гутарят: **в России жизнь копейка, а судьба – индейка**. А уж за губернаторскую после проверки и полушки не дадут. Такой вот у нас Достоевский. Такие бесы...

«Аргументы и факты». 2004, № 21

Чужак

Когда этот человек пять лет назад приехал к нам в республику, никто не мог предположить, что Николай Ганза окажется в центре политического скандала, в который накануне выборов Президента будет втянута вся Удмуртия. Сейчас многие люди отказываются даже протянуть ему руку. Избиратели не приходят к нему на предвыборные встречи. Перед зданием правительства, из которого он устроил предвыборный штаб, можно увидеть людей с требованием, чтобы этот человек навсегда покинул республику.

Желтые Воды

В Глазов Ганза приехал с Украины из маленького городка Желтые Воды, где он командовал секретным заводом Восточный ГОК. Сейчас уже понятно, что переезд в Удмуртию больше напоминал бегство. Бегство от

ответственности за деяния, которые только сейчас стали известны. По сообщениям прессы, при Ганзе на мясокомбинаты было отправлено хранящееся после Чернобыля в морозильниках в Желтых Водах мясо облученной домашней скотины, а на строительство домов и дорог в Желтых Водах шел щебень, который брали прямо с урановых рудников, да еще и перемешивали с чернобыльской землей. С тех пор город умирает медленной страшной смертью.

Ганза старался скрыть свое мрачное прошлое. Но тайное рано или поздно становится явным!

ЧМЗ

Пользуясь знакомствами в Москве, Ганза получил должность руководителя на Чепецком механическом заводе в городе Глазове. Как раз к этому времени для подъема предприятия руководству республики удалось выбить в Москве необходимые средства. С чего же Ганза начал выводить ЧМЗ из кризиса? Он уволил с завода около 1800 работников. Ганзу при этом совершенно не волновало, что будет дальше с ними и с их семьями. Затем он начал безжалостно расправляться с «социалкой», находившейся на балансе предприятия. Вот таким образом поднимались экономические показатели.

Для Ганзы живые люди – пустое место. Ради достижения своих целей он готов идти по головам!

Правительство

Когда Ганза возглавил правительство Удмуртии, его первыми шагами были: попытка ликвидировать на селе фельдшерско-акушерские пункты и уничтожить всю систему бесплатного дополнительного образования для детей и подростков. Руководству Госсовета стоило больших трудов остановить его. Ганза за год так и не смог разобраться в хозяйстве республики, сельском хозяйстве, социальной сфере. Зато сейчас он пытается присвоить себе

те сдвиги, которые произошли за последние годы и которые являются результатом согласованной работы Госсовета и правительства Удмуртии.

Если бы Ганза добился своего, селяне остались бы без первой медицинской помощи, а тысячи детей болтались бы на улице совсем без присмотра!

Захоронение отходов

Ганза подписал проект, по которому в Россию могут завозить из заграницы ядерные отходы. Так наша республика могла бы превратиться в огромный атомный могильник. Складывается впечатление, что его не волнует, насколько радиация опасна для жизни людей. Зато его очень волнуют огромные деньги, которые могут быть заработаны на этой сделке. Он сам, не стесняясь, говорит по телевизору о миллионах долларах прибыли, но молчит об огромной опасности второго Чернобыля на удмуртской земле. По сообщениям прессы, уже поставлены точки на карте республики, где наиболее вероятно будут хоронить ядерные отходы. А его дети заблаговременно увезены из Удмуртии: сын – в Москве, а дочь 6 лет учится в Америке.

Ганза может уехать из нашей республики, а что будет с нашими детьми?

Предательство

В течение года Ганза старательно играл роль единомышленника Волкова. Но когда были объявлены выборы первого Президента Удмуртии, неумная жажда власти вскружила ему голову. Ганза, не раздумывая, предал Волкова, который считал его порядочным человеком.

Ганза поступил бесчестно, предав Волкова. Ради власти он готов даже на предательство!

Сговор с Березовским

По сообщениям прессы, к участию в выборах Ганзу подтолкнул олигарх Березовский. Борис Абрамович давно искал возможность проникнуть в Удмуртию, чтобы

приватизировать предприятия Удмуртии и выкачивать деньги. Березовский снабдил Ганзу средствами на избирательную кампанию. Миллионы долларов были переведены на счета в офшорных зонах для финансирования избирательных кампаний угодных олигарху кандидатов. Кроме того, Березовский отправил на помощь Ганзе бригаду грязных политических технологов из московской фирмы. Только их гонорар составил не одну сотню тысяч долларов.

Не исключено, что в случае победы Ганза продаст наши предприятия московским олигархам!

Бывшие

В команду Ганзы вошли самые одиозные политики и бизнесмены Удмуртии. В его штабе работают: снятый Путиным с должности бывший представитель Президента Балакин; бывший банкир Бобогло, обманувший тысячи вкладчиков; бывший вице-мэр Ижевска Бондаренко, в отношении которого возбуждалось уголовное дело; бывший редактор желтой газетенки «Городской стиль» Касимов. То есть Ганзу поддерживают только «бывшие», которые стремятся снова вернуть себе власть и деньги.

Ганза не умеет разбираться в людях. Его окружают только скомпрометировавшие себя политики!

Давление на Вершинина

Еще в самом начале кампании Ганза попытался подмять под себя Вершинина и организацию «Удмурт Кенеш». Но председатель «Удмурт Кенеша» Тубылов прямо заявил, что Ганза никогда не будет представителем интересов удмуртского народа. Вершинин тоже не поддался давлению Ганзы и не стал работать на его интересы.

Ганза занимается закулисными спекуляциями, используя национальную карту!

Конфликт с министрами

Когда Ганза объявил правительству, что он тоже хочет идти на выборы, практически все министры, и даже его

заместители, объявили Ганзе, что они никогда не будут его в этом поддерживать. Так между Ганзой и правительством возник серьезный конфликт. Но Ганза продолжал давить на министров, угрожать. Он даже объявил об увольнении неугодного ему министра печати, сына известного поэта Флора Васильева. Сергей Васильев пострадал за то, что отказался размещать в прессе статьи, в которых Ганза присваивал себе заслуги всего правительства. При этом Ганза даже пошел на нарушение Закона о труде, уволив министра в то время, когда он находился на больничном.

От Ганзы отказались даже его подчиненные – члены правительства Удмуртии!

Центральные СМИ

Ганзе оказалось мало печатать грязные наветы на других кандидатов в подметном листке «День», и он начал использовать продажные московские газеты и телеканалы, входящие в империю Березовского. На это тратятся огромные деньги, несоизмеримые с расходами других кандидатов. Но хуже другое: миллионы людей по всей стране смотрят и читают тонны грязной лжи про нашу республику. Ганзе все равно, что будут думать об Удмуртии. Ему наплевать, что сейчас решается судьба федеральной поддержки развития республики, кредитов, возврата долгов предприятиям. Он думает, что если можно купить за доллары телепередачу «Человек и закон», то можно покупать и людей, и законы!

Ганза не останавливается ни перед чем! Сейчас Ганза рвется к власти. Страшно даже предположить, какая судьба уготована Удмуртии, если он ее получит!

С. Никитин

«Долг»: спецвыпуск. 2000, 19 октября

ГЛОССАРИЙ

Жанр – исторически складывающийся тип произведения. Жанр есть конкретное единство особенных свойств формы в ее основных моментах – своеобразной композиции, образности, речи, ритме.

Заголовок – вторичный источник информации, передающий содержание или идею произведения.

Идея – главная мысль произведения, имеет программный характер.

Ирония (греч. – букв. «притворство») – троп, состоящий в употреблении слова или выражения в смысле, прямо противоположном тому, о чем думается, с целью насмешки.

Ключевое слово – главное слово в тексте по отношению к основному содержанию.

Композиция – построение произведения, обусловленное его содержанием и жанром, соединение отдельных частей произведения, сюжетных линий в одно целое.

Конфликт социальный – высшая стадия развития противоречий в системе отношений людей, социальных институтов, общества в целом.

Очерк – художественно-публицистический жанр, характеризующийся образным отражением действительности. В очерке обычно присутствуют конфликт, ярко выписанные эпизоды, напряженные диалоги, приметные детали, портреты людей.

Памфлет (греч. – букв. «ярко пылающий, все сжигающий») – сатирическое публицистическое произведение злободневного характера, написанное с целью обличения политического строя в целом или его отдельных типичных сторон, социальных групп, партий, систем взглядов или гневного осмеяния наиболее видных их представителей.

Проблема – вопрос, требующий разрешения, совещания. Публицист, отражая проблему, выражает свое мнение. Проблемы могут быть общественными, политическими, этическими, педагогическими, семейно-бытовыми, могут быть связаны с взаимодействием человека и власти, человека и общества, человека и природы.

Пропаганда – идейное воздействие на широкие массы, носящее политический, просветительский, религиозный и иной характер; распространение и разъяснение идей, учений, знаний.

Публицистика (лат. – общественно значимый) – общественно-политическая литература (статьи, очерки, фельетоны, памфлеты, обзоры и т.д.) на актуальные темы современности.

Ракурс – угол съемки, угол «зрения» камеры по отношению к изображаемому объекту.

Стиль – 1) разновидность языка, характеризующаяся особенностями в отборе, сочетании и организации языковых средств в связи с задачами общения. *Стиль языка. Функциональный стиль*; 2) совокупность приемов использования средств языка, характерная для какого-либо писателя, произведения, жанра. *Стиль Пушкина. Стиль фельетона*; 3) отбор языковых средств по принципу их экспрессивно-стилистической окраски. *Стиль книжный. Стиль официальный*; 4) построение речи в соответствии с нормами словоупотребления и синтаксиса. *Стиль небрежный. Ошибки в стиле*.

Сюжет – развитие события, отраженного в каком-либо произведении, во времени и пространстве.

Текст (лат. – букв. «ткань, соединение») – 1) последовательность предложений, слов (в семиотике – знаков), построенная согласно правилам данного языка, данной знаковой системы и образующая сообщение; 2) словесное произведение; в художественной литературе – законченное произведение либо его фрагмент,

составленный из знаков естественного языка (слов) и сложных эстетических знаков (слагаемых поэтического языка, сюжета, композиции и т.д.); 3) авторское сочинение без комментариев и приложений к нему; 4) в издании – часть текста, выраженная в словесной форме, в отличие от рисунков, чертежей, формул и т.п.;

Тема – предмет, объект изображения в произведении; круг жизненных явлений, отражаемых художником, писателем, журналистом. Иногда тема выражена в названии произведения: «Воскресение», «Судьба человека», «Преступление и наказание».

Троп – оборот речи, в котором слово или выражение употреблено в переносном значении в целях достижения художественной выразительности. В основе тропа лежит сопоставление 2 понятий, которые представляются нашему сознанию близкими в каком-то отношении. Наиболее распространенные виды тропов: гипербола, ирония, литота, метафора, сравнение, эпитет.

Фабула – цепь событий, сочетание фактов в их логической причинно-временной последовательности; канва, схема литературного произведения.

Факт социальный – единичное общественно значимое событие или некоторая совокупность однородных событий. Факт и новость лежат в основе журналистской информации. За фактом стоит типичное явление.

Фельетон (фран. – букв. «листок») – сатирико-юмористический художественно-публицистический жанр, главная цель которого – высмеять отрицательное явление.

Экспрессия – выразительно-образительные качества речи, сообщаемые ей лексическими, словообразовательными и грамматическими средствами (экспрессивной лексикой, тропами, фигурами).

Эссе (фран. – букв. «опыт, проба») – жанр литературы и публицистики, сочетающий ярко выраженную авторскую позицию с блестящим изложением.

Автор-составитель
Пантелеева Вера Григорьевна

**Технология создания
художественно-публицистических жанров
журналистики**

Учебно-методическое пособие

*Авторская редакция
Компьютерная верстка А.В. Насибуллин*

Подписано в печать 18. 12. 09. Формат 60х84 ¹/₈.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,14. Уч.-изд. л. 5,22.
Тираж 120 экз. Заказ №

Издательство «Удмуртский университет»
426034, Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.
Тел./факс: +7 (3412) 500-295, e-mail: editorial@udsu.ru